

Лариса Анатольевна Ильина

Находка для шпиона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42342414

SelfPub; 2019

Аннотация

В престижном посёлке происходит ужасное событие: убит богатый бизнесмен, и одной из подозреваемых оказывается живущая по соседству молодая художница Алиса Находка. Её друзья не на шутку встревожены – неуёмная фантазия Алисы может перевести её в разряд обвиняемых. Она всего-то написала портрет бизнесмена, но почему многие уверены, что знакомы они гораздо ближе? Лишь однажды она побывала на торжественном приёме, где по его просьбе предстала в знаменитом колье... «Находка для шпиона» – самостоятельное произведение, но здесь вы можете встретиться со старыми знакомыми: Алевтиной, Юркой и его неугомонной сестрицей Тайкой по прозвищу Мегрэнъ.

Симпатичный молодой человек, сидящий за столом напротив меня, премило улыбнулся. Впрочем, улыбка предназначалась вовсе не мне. То, что находилось на столе, интересовало сейчас молодого человека гораздо больше. Окинув горящим взглядом тарелки, он живо потянулся к сыру, покрытому плесенью, словно дальний угол общественной бани и попутно зацепил манжетой бокал вина. Теоретически в этом не было ничего особенного. Но молодой человек имел дурацкую привычку носить запонки. Звонко тренькнуло лопнувшее стекло, по столу расплзлась приличного размера красная лужа.

– Ой! – симулируя огорчение, заморгал мой гость, – разбилось...

– И насвинячилось... – с доброй улыбкой кивнула я и бросила выразительный взгляд в сторону кухонной мойки.

– Я нечаянно... – в благородном негодовании отозвался молодой человек, явно собираясь обидеться.

– За «нарочно» – убила бы... – ласково уверила я и, чтобы в этот раз у него не осталось никаких сомнений, ткнула пальцем в лежащую на раковине поролоновую губку: – Вытирай!

– Бессердечная ты, Шмелёва... В кои-то веки зашёл человек в гости, а ему швабру в руки и...

– Хватит врать, Бублик! – сердито оборвала я. – Я уже забыла, когда без тебя за стол садилась! И почему, скажи на

милость, твоя чёртова редакция оказалась именно на моей улице?

Бубликов развёл руками и выразительно поджал губы. В глазах его плескался коктейль из отчаянного нежелания отрывать задницу от табурета, брать в руки губку и возить ею по липкому мокрому пятну.

– Эксплуататорша...

– Журналюга! – парировала я, наблюдая, как гость делает безуспешные и весьма рискованные попытки дотянуться до раковины, не вставая. – Надеюсь, когда ты свалишься, то не сломаешь мой табурет...

Меня прервала звонкая трель сотового телефона, лежавшего в кармане начинающего эквилибриста. Слобно получив индульгенцию, тот разом позабыл о благих намерениях и вцепился в мобильник обеими руками.

– Да?!

Винный ручеёк мягко обогнул лежащую вилку и оказался в опасной близости от края стола. Я покосилась на оживленно кивающего гостя, вздохнула, встала, вытерла лужицу, выбросила осколки. Придётся другу детства подождать, прежде чем я снова приглашу его отобедать...

– Ты не поверишь... – отключая телефон, вытаращился Бублик, но я хмыкнула:

– Чему? Что ты собирался за собой прибрать?

– Лиса звонила...

– Быть не может! – всплеснула я руками, вкладывая в сло-

ва весь имеющийся в запасе сарказм. – Историческое событие, не имеющее аналогов, которое конечно не позволило тебе...

– Анька, да послушай же! Плюнь ты на свой стол!..

– На свой плюй! – обиделась я.

В конце концов, Лиса только и знает, что языком болтать, а я вечно всех кормлю-пою – и никакой благодарности! Где-то в области грудной клетки шевельнулось искреннее желание поскандальить, но взлелеять его я не успела.

– Соседа Алискиного шлёпнули... Ну того, у которого на крыше флюгер здоровенный...

– Чем шлепнули? – притормозила я, не совладав со столь резким переходом.

– Чем, чем! Пулей, вот чем!

Дело было даже не в том, что это её настоящая фамилия – Находка. Алиса Венедиктовна была настоящей находкой. Для шпиона. Правда, шпиона начинающего и не умеющего фильтровать полученную информацию.

Ещё со школьной скамьи Находка слыла чем-то вроде гибрида справочного бюро с внучкой барона Мюнхгаузена. Она знала всё обо всех, но правдивость её слов сразу делили на четыре, а потом ещё раз пополам. Находкина страсть к секретам частенько вступала в жаркую схватку с безудерж-

ным желанием этими знаниями делиться, а добавленная ко всему этому буйная фантазия нередко превращала безобидную историю в гремучий коктейль.

Если Алиса не была в курсе темы, то моментально восстанавливала пробелы собственными домыслами. Например, информация о том, что Петров и Сидорова вчера вечером были вместе и целовались в парке на лавочке, утром выглядела, мягко говоря, недостоверной, поскольку в шевелюре Сидоровой отсутствовал приличный клочок волос, а у Петрова наоборот присутствовал под глазом свежий синяк. Выяснилось, что в то самое время, о котором упоминала Находка, Петров трепал Сидорову за косу, а та в свою очередь активными действиями пыталась вернуть отобранный Петровым мобильник. Но факт, что они всё-таки были вместе, был неоспорим.

Кому как не мне, просидевшей с Находкой восемь лет за одной партией, было этого не знать! Именно поэтому я недоверчиво прищурилась и хмыкнула:

– А ты уверен, что она говорила именно об этом? Может соседка слева зашла за солью и на досуге упомянула, что тот шлёпнулся в лужу возле крыльца?

Бубликов недовольно сморщил нос:

– Старуха, ты циник... Лиса говорит, что у них весь посёлок в полицейских машинах, а от неё только что ушёл следователь... И просил пока никуда не уезжать...

– Мой бог! – всплеснула я руками, – наверняка эта дури-

ща высказала ему пару собственных версий и теперь сама подозреваемая номер один...

– Вполне возможно, – ухмыльнулся Бублик. – Удивлюсь, если она этого не сделала...

– Что она ещё сказала?

– Сказала, что если в нас осталась хоть капля доброты и сочувствия, то мы должны приехать...

Я охнула:

– Прямо сейчас? Антон, да я через час к парикмахеру записана... Не могу же я третий раз отменять и снова из-за Лисы? Имею я право подстричься, в конце концов?

– Имеешь, – впрочем, в его улыбке не было ни капли сострадания. – Я бы и один съездил, но теперь за руль сесть не могу, поскольку... – тут он окинул печальным взглядом бутылку, – выпимши...

И Бублик поглядел осуждающе, словно я силком вливала вино ему в рот. От этого непрекращающегося нахальства я вскипела:

– Ах, ты... журналюга...

– Спасибо! – радостно оскалилось это избалованное эгоистичное существо. – Я тоже тебя обожаю, но давай не будем терять время, не то Лису к нашему приезду уже за решётку засадят!

До съезда к Алискиным воротам оставалась самая малость, когда я, окинув взглядом знакомый коридор разномастных уличных оград, насторожилась и присвистнула:

– Вот это да! Что тут ещё такое? Следователи теперь на таких ездят?

– Ага, – насмешливо сморщил нос Бублик, однако я отчётливо видела мелькавшие в его глазах искорки беспокойства. – Теперь только на таких и ездят...

Стоявший возле ворот Находкиного дома чёрный заливанный «Мерседес» с тонированными стеклами полностью перекрывал въезд, поэтому проигнорировать творение германского машиностроения мы никак не могли. Пришлось притормозить на обочине.

– Я посигналю, а ты иди, позвони у ворот, – заторопилась я, начиная нервничать, потому что когда дёргается такой пофигист как Бублик, остальным надо в голос орать «караул!» – И посмотри, есть там кто за рулём?

Вопреки привычке препираться, если обстоятельства вынуждали отрывать пятую точку от сиденья, Бублик послушно вылез на свежий воздух. Бросив косой взгляд на лобовое стекло «Мерседеса», он поглядел на меня и потряс головой. Я нажала на клаксон, Антон с душой приложился к кнопке звонка у калитки. Прошло несколько минут. Несмотря на наши старания, ситуация никоим образом не изменилась и трёхметровая твердыня, опоясывающая просторный участок, оставалась неприступной.

– Спит что ли? – сердито буркнул Бубликов и стукнул в калитку кулаком. Массивная дверца жалобно скрипнула, едва заметно приоткрывшись. Голос у Антона дрогнул: – Едрит тебя за ногу...

Я торопливо выскочила из машины.

– Бублик, может случилось чего?

– Не каркай! – оборвал бывший одноклассник, резво распахивая калитку.

Натыкаясь от волнения на его спину, я засемила следом.

Факт, что Лиса позабыла или по какой-то другой причине не закрыла дверь, пугал. Запирание дверей было у неё пунктиком. Возможно, причина крылась в том, что дом был огромным, а она уже два года обитала в нём одна. Принадлежал дом Алискиному дяде, весёлому пронырливому пузану, успевшему в лихолетье перестройки сколотить изрядный капитал. Правда, выбранный им для этого способ почему-то сильно не устроил правоохранительные органы, вследствие чего дядя третий год весьма успешно скрывался на чужбине, сумев, впрочем, оставить любимой племяннице нажитое добро самым законным образом.

Не успели мы с Бубликом сделать и шага от ворот, как на ведущей от крыльца каменной дорожке возникли трое мужчин весьма сурового вида. Они молча двигались нам навстречу, своей сплоченной решимостью здорово напоминая маневровый тепловоз. Поскольку Бубликов увидел их первым, то мужественно отскочить с дорожки в сторону он

успел. Я конечно не успела.

– Где Лиса?! – от неожиданности звонко твякнула я, оказавшись нос к носу с успевшим затормозить передо мной в самый последний миг обладателем волевой американообразной челюсти.

Если бы я столь вовремя не подала голос, то наверняка оказалась бы в положении Анны Карениной.

– Что? – изумленно клацнула, разомкнувшись где-то над моей головой, волевая челюсть. Её владелец чуть откинулся назад, в недоумении оглядывая возникшее перед ним препятствие. Тонкие крылья носа дрогнули, словно он по запаху пытался определить его значимость. – Какая ещё лиса?

– Находка... – мне честно казалось, что голос звучит решительно.

Вероятно, так не казалось стоящему на дорожке гражданину:

– Чья находка? – теперь в его словах слышалось самое настоящее раздражение, и сразу было видно, что скрывать его он и не подумает. – Вы кто? Что вам нужно?

– Мы друзья хозяйки дома... – проявился наконец затаившийся под кустом журналюга, соизволив, видимо, вспомнить, что он всё-таки мужчина. – Мы к ней...

– Ну так и идите! – бросил сквозь зубы собеседник, не обращая больше на нас ни малейшего внимания.

И устремился вперёд, а мне пришлось ловко извернуться, чтобы не оказаться вынесенной в калитку двинувшими за

ним следом джентльменами.

– Надеюсь, она жива... – пробормотала я и бегом кинулась в сторону крыльца.

Лиса, поджав ноги, сидела на диване в гостиной, и вид имела несколько странноватый. Несмотря на то, что мы уже пару минут стояли прямо перед ней, она упорно косила куда-то в верхний левый угол, моргая красными опухшими глазами. Я на всякий случай туда тоже глянула, но, как и ожидала, ни черта там не увидела.

– Лиса, что с тобой? Кто это был? Они что-нибудь сделали? Что здесь случилось? Чего ты ревёшь? – в чём и был хорош наш журналюга, так это в скорости, с которой умел задавать вопросы. – Может воды дать? Может милицию вызвать? Тьфу, дьявол, то есть полицию...

Литературно-правовой кульбит привел несчастную в чувство. Она вздрогнула:

– Нет, нет, не надо! Хватит милиции! И полиции тоже...

Находка наконец обвела нас осмысленным взглядом и махнула рукой, призывая сесть. Я сбегала-таки за водой, и мы с Бубликом устроились в креслах, что стояли напротив.

– Всё это просто ужасно! – Лиса выразительно всхлипнула и отхлебнула из стакана. – Я думаю, что...

– Про то, что думаешь, давай потом! – торопливо пере-

била я. Иначе подруга для начала потеряет нить повествования, а потом включит фантазию на полную катушку. – Просто расскажи, что случилось...

Лиса прищурилась и сложила губки куриной попкой. Это означало, что я оскорбляю лучшие ее чувства. Но по счастью меня активно поддержал Бублик:

– Так... Значит, соседа твоего хлопнули? Это которого ты портрет писала? И когда?

Алиска перевела взгляд на него и вздохнула:

– Может ещё сказать кто? – Она обиженно передёрнула плечами. – И так я тут вся на нервах... – мы покладисто безмолвствовали и она успокоилась. – Ладно... Короче, сплю утром, никого не трогаю. Вдруг звонки, шум... Вскакиваю – у калитки следователь. Женщина, которая у этого Аркадия убирается, пришла утром, а он в спальне... В башке дыра. Этот гад поволок меня на опознание... А у того вместо головы винегрет... Мне отпечатки снимали...

– Стоп, Алиса! – решительно сказала я. – А ну, начни-ка, с самого начала!

Конечно, об Алискином соседе я слышала не раз. Даже видела набросок портрета, из-за которого, собственно, они и познакомились. Портретами Лиса зарабатывала на жизнь, получая заказы от богатых клиентов, жаждущих осчастли-

вить потомков своими морщинами, исполненными непременно в масле. С лёгкой руки одной из своих подружек, владелицы художественной галереи, она сделалась весьма модным портретистом, и от заказов у Лисы не было отбоя. Для души она писала пейзажи, натюрморты и всякую забавную живность, которую не менее успешно выставляла в подружкиной галерее. Из-за картины с названием «Спящая Лиза» клиенты в галерее однажды чуть не подрались.

Пару месяцев назад, тихим безоблачным вечером, Лиса вознамерилась провести с мольбертом пару часов возле местного пруда. Живописно заросший камышами и тиной водоём имел весьма причудливую форму и располагался в сотне метров от западной части Рыбёшкино, того самого дачного посёлка, где и обитала Находка. Вот тут-то, возле прогнившего деревянного мостика она и повстречалась с соседом, проживающим на противоположной стороне улицы. Он знал, что Лиса художница и воспытал желанием написать портреты, свой и жены.

– Идите сюда, – всхлипнула Лиса и, поднявшись с дивана, поманила нас следом. Мы поднялись на чердак, половина которого была переоборудована под мастерскую. – Вот, я тебе показывала... – она откинула с холста тряпку и глянула на меня. – Почти закончила...

Бублик хрюкнул и с интересом уставился в лицо блондина средних лет с пронзительным властным взглядом. Портрет и в самом деле был практически готов, оставались незначи-

тельные, но необходимые мелочи.

– Забавный дядя... Посмотреть бы на того, кто изловчился его шлёпнуть...

– Ну уж нет! – резво возразила Лиса. – Мне и с ним самим лучше б никогда не встречаться! – Она в сердцах ткнула в сторону мольберта. – Сидела бы себе тихонько, мазала жирные банкирские рожи...

– А чем этот Аркадий занимался? – любопытствовал Антошка, продолжая разглядывать подружьино творение.

Она дёрнула плечами:

– Толком и не знаю... Бизнесмен какой-то... Денег у него чёртова уйма, домина-то видали какой? Я к ним заходила, прежде чем портрет писать, надо ведь понять, что за человек...

– И что ты там поняла?

– Что денег – куры не клюют! – усмехнулась Лиса. – И что Эмма, жена его, стерва порядочная. Перемякнуло у неё, на мой взгляд, от богатства...

– Кстати, – опомнился Бубликов, – а где его жена? И что дальше-то?

– А дальше... – глубоко вздохнула Алиска, – хоть вешайся...

Вскоре Аркадий пригласил Лису к себе домой. Там она познакомилась с Эммой, которая категорически ей не понравилась. Вела себя Эмма надменно, и чаю хотя предложила, слова цедила сквозь зубы, всячески давая понять, что видит

в Лисе нечто среднее между маляром и горничной, пришедшей зарабатывать трудовую копейку. Наша Находка девушка хоть и покладистая, но минут через десять подобного общения начала заводиться. По счастью, сославшись на неотложное дело, Эмма вскоре удалилась, позволив Лисе тем самым восстановить душевное равновесие. Оставшись вдвоём с Аркадием, они обсудили материальную сторону вопроса, договорились о времени. Позировать Лисе он мог лишь пару раз в неделю, что её вполне устраивало.

На том и распрощались.

– Решили, что сначала пишу его, потом его чёртову курицу... – обращаясь почему-то к портрету, покачала головой Алиска. – Я бы век её не видела, но «мани» были больно заманистые... Аркадий, как и договорились, пришёл в ближайшую субботу в двенадцать. Потом готовые работы осмотрел. Ну лежал у меня там пяток пейзажей... И сразу три купил. Очень, говорит, понравились! Жизненно! Короче, поднялись потом в мастерскую, все прошло нормально. Работать он не мешал, всё, что ему говорила – делал. Помню, даже подумала: «Парой сеансов обойдёмся!» Но не прошло и получаса, как он заявил, что очень торопится. Мне что, ради бога! В следующий раз он снова появился минута в минуту. Предел вежливости! Я, знамо дело, порадовалась... Поднимается наверх. Сажаю его... Не могу место найти, хоть тресни! И так и этак... Ну совсем другой человек, хотя и понимаю, что он! Глаза не те, губы... Грешным делом подумала:

не еду ли по фазе? Принялась со светом возиться, вроде кое-как справилась. Даже не вытерпела, спросила: «У вас случайно брата-близнеца нету?» Он засмеялся: «Не отказался бы! Но у меня родни вообще нет... Никого, ни родных, ни двоюродных!»

Вопреки Алискиным предположениям, быстро закончить портрет соседа не получалось.

– Дольше получаса он не сидел... И каждый раз одно и то же!словно новый человек приходит! Только разберусь, что к чему – всё, он уже убегает! Я уж со счету сбилась, то ли шесть раз он был, то ли семь! Правда, мы с ним потихоньку общаться начали... Про то поболтаем, про сё... Он, вроде, мужик ничего оказался, нормальный. Рамы принес... Про Эмму свою рассказывал. Так и говорил, что стерва. Как-то сказал, что она хочет, чтобы я написала её в вечернем платье и в каком-то необычном колье... Мне-то что, хоть в бочке с огурцами... Но он объяснил, что колье жутко ценное и сидеть в нём всё время она не может. Оно, мол, всегда лежит в сейфе, принадлежит какой-то корпорации и если его оттуда вытаскивают, то всегда с охраной...

Мы с Бубликом украдкой переглянулись, взаимно прикидывая, не сбилась ли с истинного пути наша девушка, привычно начав плутать в дебрях буйной фантазии.

– Я думаю... – выставив указательный палец, с воодушевлением набрала Лиса в грудь воздух, но мы с Антоном в один голос дружно возопили:

– Не надо! Просто расскажи, что было дальше!

Однажды Аркадий опоздал на полчаса. Выглядел он грустным и каким-то потерянным. Увидев его, Лиса в сердцах всплеснула руками:

– Бог мой! Ну это уже совсем никуда не годится! Аркадий, мне было бы легче написать с вас целую галерею, чем один портрет! Вот что: мы сейчас сядем, выпьем чего-нибудь или я оказываюсь работать!

Гость покладисто кивнул и даже выдавил из себя улыбку.

Подсунув клиенту, против чего он и не возражал, рюмочку коньяку, Лиса сумела-таки добиться своего. Аркадий немного расслабился.

– Всё пошло ничего, – продолжала Лиса, снова заботливо укрывая холст от посторонних глаз. – Я спокойно работала около получаса, он тихо сидел... Потом принялся вздыхать и, хотя я об этом совершенно не просила, стал рассказывать о жене, что они стали часто ссориться и прочую всякую муру... Когда натура начинает трепаться, писать её чистое наказание! – расстроено махнула руками Алиска, скромно умолчав, что во время работы вволю треплется сама. – Пришлось слушать и кивать. Тут он вроде вспомнил: «Алиса Венедиктовна! Помните, я о колье говорил? Завтра у меня есть возможность привезти его сюда. Я думаю, лучше всего вам

сфотографировать его на Эмме, чтобы потом... Ну-у... срисовать с фотографии?»

Делать Лисе было нечего, она согласилась. Договорившись, что завтра придёт вместе с женой, Аркадий распрощался.

В воскресенье ровно в два часа дня в ворота Находкиного дома позвонили.

– А я на чердаке была. Глянула в окно... Батюшки! А там столпотворение! Два джипа огромных, чёрных... Ещё легковушка... Мужики ростом с мой забор в чёрных костюмах, в очках! Я трухнула, ей-богу! Пригляделась, вижу – вроде среди них Аркадий. Ладно, думаю, открою! Впустила его, за ним следом пятеро ввалились... Рожи, прости, господи... Где их берут? У одного к руке маленький такой чемоданчик чёрненький пристегнут... Аркадий говорит: «Вот, Алиса Венедиктовна, оно самое и есть! Давайте сфотографируемся!» А я сначала как-то замешкалась. Ну растерялась... Поднялись в мастерскую. Аркадий чемоданчик взял, гоблины за дверью остались. Тут я соображаю: «А где ваша жена? Колье надо надеть...» Клиент неожиданно грустнеет лицом и вздыхает: «Алиса Венедиктовна, голубушка! Простите, что всё так выходит... Но мы вчера с Эммой здорово поссорились... Она уехала. Могу я просить вас сфотографироваться в колье вместо неё? Я уверен, через пару дней Эмма отойдёт и придёт к вам сама... – «Большое счастье!» – мысленно хмыкнула Лиса, – ...а принести его ещё раз я не смогу. Это,

видите ли, слишком проблематично...»

Подумав о том, что соседские семейные игры её порядком раздражают, Алиса кивнула. Во-первых, так в любом случае быстрее будет, во-вторых, всё равно деваться некуда.

– Заказчики часто с закидонами попадают, – выразительно глянула на нас Лиса, словно доверяя большую тайну. – Но ничего хуже семейных разборок во время работы и придумать нельзя. Все потом непременно недовольны выражением своей рожи! А мне-то что? Мне что скорчили, то я и запечатлела! – взмахнув ладонями, она сунулась к ближней полке, раздраженно переставляя какие-то баночки. Судя по голосу, подруга начала заводиться. – У них, конечно, проблемы! А у меня – так, козёл хвостом потряс! Да если бы я только знала...

– Алиска, – досадливо морщась, встрял Бублик, – что дальше?

– Дальше!? Дальше мне надо выпить! – вдруг рубанула ладонью воздух Находка и, покинув мастерскую, решительно направилась вниз.

Мы с Бубликом торопливо переглянулись и, заинтригованные по самую маковку, скатились следом. Если Находка в этот раз и приукрашивала произошедшее, то делала это в весьма необычной манере и явно здорово волновалась.

Догнав хозяйку уже на кухне, мы с готовностью уселись за стол, в нетерпеливом ожидании наблюдая, как она, стоя возле барной стойки, растворяет кусок сахара в зеленоватой

жидкости. Как и всякая творческая натура, Лиса полагала, что в волнении ей должен помогать абсент.

– Тут он, – выпив, безо всякого предупреждения продолжила вдруг Алиска, активно комментируя рассказ жестами, – вытаскивает из чемоданчика красную картонную коробку. Спрашиваю: «Это что?» Он улыбается как сволочь и объясняет: «Такие украшения нельзя примерять без соответствующего наряда. Это платье. Не волнуйтесь, размер вам подойдёт! Переоденьтесь, пожалуйста, а я пока колье подготавливаю!» Как вам это? – Лиса, уперев руки в бока, уставилась на нас свирепым взглядом. Комментировать мы не решились. – Дурацкая, конечно, ситуация, но я плюнула, коробку взяла, хотела выйти. Ну что б переодеться. Аркадий вдруг руками замахал: «Нет, нет, Алиса Венедиктовна, не выходите! Пока колье в этой комнате, покидать её никому нельзя! Охрана вас всё равно не выпустит!» И всё это дерьмо я слышу в собственном доме! – взревела Лиса и жახнула в сердцах кулаком по столу. Мы с Бубликом заёрзали от любопытства, испытывая взаимное желание придушить рассказчицу, если она не прекратит тянуть резину. – Ладно, думаю, дай мне только с тебя гонорар получить ... Взяла коробку, зашла за шторку, что возле стеллажей. Коробку открыла... Ма-ать моя! Анька! – предавшись воспоминаниям, она восторженно закатила глаза. – Я такого красивого платья сроду не видала! Шёлковое, бордовое, до полу... Декольте, здесь финтифлюшки какие-то... Я с перепуга в нём едва не запу-

талась! Только в талии широкоовато... Чуть-чуть... Одеда, шторку отодвинула, вышла. Аркадий увидел – ручки вскинул, головой затряс, короче, изобразил полное очумление от восторга. Потом малость очухался и говорит: «Сейчас наде-нем колье! Сядьте, как Эмма должна сидеть и я вас сфотографирую!» Кладет на стол плоский атласный футляр... Открывает... – и тут Лиса не иначе как в ступор впала.

Она категорически умолкла, монотонно покачивая головой, словно изумляясь чему-то, что могла видеть лишь в своих мыслях. Вежливо подождав пару минут, мы с Антоном в который раз переглянулись. Он многозначительно сжал губы. Осторожно кашлянул. Лиса отсутствовала. Бублик кашлянул дважды. Лиса не возвращалась.

– Эх её разобрало! – тихо шепнула я, качая головой. – Чего же такого было в этом проклятом футляре? Эй, Лиса! – позвала я, впрочем, безо всякого толку. И кивнула Бублику: – Налей-ка в стакан водички, пора сбрызнуть девушку, не то здесь ночевать придётся!

Вероятно, девушка не так уж глубоко ушла в себя, поскольку шевельнулась и глянула глубоко осуждающе:

– Если бы ты, Шмелёва, хоть что-нибудь соображала в ювелирных шедеврах... – она вздохнула. – Ничего подобного я в жизни не видела, а ведь я бывала и в Алмазном фонде! Я вам даже толком описать не могу... Это... это просто чудо! Магический предмет, культовый артефакт...

– Лиса! Лиса! – торопливо защёлкал пальцами возле её

лица Антон, – не уходи... Держи связь! И, пожалуйста... перестань бредить!

За окном уже начинало темнеть, дома меня ждала куча брошенных неотложных дел, а я всё ещё продолжала сидеть на той же кухне, то изумленно охая, то мучась жесточайшими подозрениями, что её владелица самозабвенно лепит очередную свежевывдуманную байку. Сидящий рядом друг детства Антон Антонович Бубликов, похоже, мучился аналогичными чувствами, но прервать рассказчицу тоже не решился.

– Только вот точно я не запомнила, в каком именно веке... – продолжала меж тем подруга, – восемнадцатый... девятнадцатый... Короче говоря, где-то в Африке... рядом с каким-то посёлком были эти самые алмазные копи. Копалось там это племя, копалось, и вот однажды... А алмазы, они образуются в такой горной породе, кимберлит называется...

– Короче... – затравленно рыкнул Бублик.

– Короче, ихний вождь находит кусок такого кимберлита, а в нём три камня... Рядом. Расположены как следы, когда человек идёт. Но самое главное, – что все три алмаза и в самом деле необыкновенно похожи на отпечаток ноги! И окраска у них самая редкая – тёмно-красная, почти чёрная... Тут племя, естественно, впадает в экстаз, начинает плясать,

молиться, и всё такое... Находка признается божественным провидением, и название получает соответствующее – «Путь Бога». То есть, считают, что эти кровавые отпечатки оставил бог. Ну дальше, как всегда... У племени его конечно спёрли. И пошло-поехало! Камни стали менять хозяев одного за другим, как правило, оставляя за собой самый что ни на есть кровавый след... В смысле, настоящий кровавый след. О «Пути Бога» стали ходить легенды, говорящие о том, что владеть им никто, кроме того африканского племени не может. В начале прошлого века наконец кто-то решился алмазы вытащить и обработать, не меняя формы. Было сплетено золотое кольцо, по виду больше напоминающее вязание из бисера... – Алиса пальцами начертила на груди приличного размера перевёрнутый треугольник, – украшенный... – она взглянула на нас многозначительно, – пятьюстами семьюдесятью четырьмя бриллиантами! При этом кольцо необычайно гибкое, оно на ощупь более напоминает плотную ткань. «Путь Бога» находится в самой середине треугольника, именно в таком расположении, в каком и находился в кимберлитовой породе...

Экскурс в производство ювелирных украшений прошлого века Лиса завершала глухим зловещим шепотом и у меня мурашки побежали. Даже Бублик закашлялся.

– Старуха, вид колье тебя потряс, – покивал он, – это мы поняли. Но не могла бы ты скоренько объяснить, в чём же всё-таки заключается тот ужас, о котором ты так страстно

твердишь?

– Как в чём? А соседа убили?

– Ну а ты-то при чём?

– При том самом! – сердито дёрнула плечами Алиска и заявила, что не может нормально рассказывать, если её всё время перебивают. Мы демонстративно заткнули рты ладонями. – Так вот... Закончил Аркадий говорить, вытащил кольцо и надевает на меня... Ребята, вы представляете, – оно тёплое! Представляете? Камни, а тёплое! Я чуть совсем не трёхнулась!

– Куда уж больше?! – в бессильной ярости пробормотал Антошка, деликатно кося в сторону. – Бедный мужик, представляю, что он здесь вытерпел!

Но Лиса, по счастью, не обратила на него внимания.

– Я к зеркалу подошла... Понимаешь, Анька, мне и на платье чужое плевать, и кольцо не моё, а не могу... Руки сами делают! – Я её понимала. – Причесалась... Даже губы, дура, накрасила! Аркадий только кивает, правильно, мол!

Надо сказать, что Лиса относится к тому редкому и счастливому типу женщин, которых косметика только портит. Вместо битого часа, который мы ежедневно тратим, старательно рисуя ресницы и прочее, Лисе хватало минуты, чтобы пару раз махнуть по носу пуховкой. Поэтому Бублик, немедленно принявшийся жалеть несчастного, и без того застреленного Аркадия, был неправ: долго ждать тому не пришлось.

– И тут снова начинается... цирк! Теперь меня начинает усаживать Аркадий. С собой он принёс какой-то супернавороченный поляроид. Не знаю, где уж он его взял! Туда... Сюда... Ручку так, ножку эдак! Свет, тень... Грудь вперёд, голову набок... В общем, он меня достал! Снимков сделал много, на мой взгляд, даже слишком. И в колье, и без колье... Ручку поцеловал: «Поверьте, Алиса Венедиктовна, вы великолепны!» Как будто я без него не знаю? А Аркадий дверь мастерской приоткрыл и говорит: «Посмотрите, господа, на совершенство!» Господа, что под дверью отдыхали, сразу свои рыла бандитские высунули. Тоже головами трясут, восхищаются... Ну я им позволила малость к прекрасному приобщиться... Всё лучше, чем друг на друга смотреть! И только решила колье снять, даже рук поднять не успела, как кидается ко мне ближайший мордоворот, я даже зажмурилась, ей-богу! Сам застёжку расстегнул, второй уже с коробочкой стоит... Аркадий коробочку запер, ключ третьему передал... Ну чистому змеёнышу! И взгляд, не дай, господи... Пока в себя приходила, гоблины вымелись. Я платье вернула, Аркадий откланялся: «Большое спасибо... До субботы!» Ну ладно, ушли и, слава богу! Я там своими делами занялась, потом совсем про них забыла. Неделя промелькнула, я и не заметила. И вот вечером в пятницу, сижу, смотрю телевизор...

– Это в какую пятницу? – деликатно высунулась я, – позавчера?

– Ну да! – кивнула Алиска. – Время около одиннадца-

ти, за окошком уже глаз коли. Вдруг звонок. Подхожу к видеофону, вижу – за воротами иномарка тёмная, у калитки мужик толчётся. Спрашиваю: «Кто?» Голову поднимает, говорит: «Я». Вроде Аркадий... Я вышла, прошла к калитке. Действительно, он. Заходить во двор не стал, попросил выйти на минутку. Мне-то что, вышла. Он предложил сесть в машину, на улице прохладно было. Сели, он мотор завел. Молчит. Я его разглядываю краем глаза... Волосы всклокочены, под глазами круги. Щетина – дней пять. Меня прямо оторопь берёт: ну сколько я писать его буду? Год? Он может бороду отпустит и косички заплетёт, а мне что делать? Наконец он шевельнулся: «Алиса Венедиктовна, я понимаю, я вам, наверное, надоел... Меньше всего на свете мне бы хотелось впутывать вас в свои проблемы, но... не знаю, к кому я могу обратиться... У меня мало знакомых женщин, а уж тех, кого я могу просить о помощи вовсе нет!» Ну, думаю, Находка, докатилась! Набилась в лучшие подруги, правда к кому – неизвестно. А друг мой меж тем смотрит как собака побитая, и разве что не плачет. Ладно, думаю, послушаю, что дальше. «Эмма должна была вернуться сегодня... – с трудом подбирая слова, продолжил Аркадий. – После того, как мы поссорились, она вместе с подругой уехала в Италию... Но я звонил ей туда и всё было нормально, мы помирились. Она обещала, что вернётся вовремя. Вчера мы снова созвонились... и переругались окончательно. Даже если она одумается и приедет, то всё равно уже не успеет...» Тут я по-

нимаю, что вразумительного объяснения могу ждать очень долго... И решила сразу взять быка за рога! – назидательно качнула указательным пальцем Лиса.

Заслышав её слова, Бубликов необычайно активизировался и с жаром подхватил:

– Вот, вот! Это правильно! Быка за рога – это как раз то, что нужно!

Просьба, с которой обратился Аркадий, Лису озадачила. Первые несколько минут она удивленно моргала в печальное лицо странного визитёра, не в силах ответить вразумительно.

– Аркадий... но ведь для подобных случаев есть соответствующие службы... Эскорты... Там работают те, кто специально подготовлен для подобных мероприятий. Модели, манекенщицы... Ноги от шеи! Уж они-то гораздо лучше представляют, как следует вести себя на светских приёмах...

– Что вы, Алиса! – торопливо затряс головой собеседник, отмахиваясь, словно от чумы. – Мне нужна вовсе не смазливая пустоголовая мордашка, не дай бог, с соответствующей репутацией! Мне нужна красивая разумная женщина, ответственная и порядочная... Такая, на которую я мог бы положиться. Поймите, это не просто корпоративная вечеринка! Там будут наши иностранные партнеры, на кон поставлена

судьба архиважного контракта, от которого зависит не только моё благополучие! Нашей корпорации необходимо доказать свою состоятельность и, поверьте, «Путь Бога» – более чем веский аргумент в этом отношении. На банкет колье должна надеть Эмма, но она... – Аркадий закрыл глаза и со вздохом покачал головой, – снова меня подвела... Для меня это очень важно, Алиса... Иначе я потеряю всё...

Растерянная Лиса, с детства отличавшаяся совершенно несвоевременными приступами сострадания к ближнему, маетно завздохала. Конечно редкая женщина безразлично пропустит мимо ушей мужское признание её незаурядных умственных способностей, а сладкая подлива из красоты и порядочности вообще способна добить кого угодно. Однако предложение смушало. Вечер в незнакомом обществе, пусть даже иностранцев, с побрякушкой на шее, до которой нельзя и дотронуться, это...

Поймав взгляд Лисы, в величайшем сомнении оглядывающей припухшую небритую физиономию, Аркадий суетливо огладил колючий подбородок:

– На этот счёт не сомневайтесь! Просто было несколько тяжелых дней... Завтра утром приедет стилист и всё будет в лучшем виде. Вы меня даже не узнаете... – он улыбнулся чуть заискивающе и с надеждой заглянул Лисе в глаза. – Если захотите, потом я пришлю его к вам, он сделает любую вечернюю причёску... Совершенно бесплатно... Не думайте, Алиса, – неожиданно Аркадий потянулся и слегка сжал

её ладонь, – я возьму вам за все беспокойства...

– Что вы, что вы! – она смутилась от мысли, что Аркадий считает, будто её гложет корысть, – не надо ничего! Я вам конечно помогу... Почему нет?

Исключительно вежливо освободив руку, она немного нервно закивала. По физиономии собеседника разлилась счастливая улыбка. Перехватив Алискину кисть, он в величайшем оживлении приложился губами к её пальцам.

– Спасибо, Алиса! Я знал, что вы поможете! Тогда до завтра! Я буду у вас в шесть!

Лиса снова выдернула руку и молча кивнула. Вылезая из машины, она оглянулась:

– Но не думаю, Аркадий, что это будет способствовать вашему примирению с женой!

Горячо уверив, что в данной ситуации проблема примирения с женой находится для него на втором с конца месте, Аркадий тронул машину. Лиса вошла в калитку.

– Что ж, всё равно завтра вечером делать нечего! А мириться или ссориться – это их личные проблемы!

Часы показывали пять минут четвёртого, когда в гостиной задринькал телефон. Лиса с досадой захлопнула дверцу платяного шкафа, перед которым битый час уже стояла, решая, что же надеть согласно случаю.

– Алиса, это Аркадий! Вы не передумали? – Получив отрицательный ответ, собеседник оживился: – Минут через десять к вам придёт мой стилист... – Лиса досадливо поморщилась. – Кстати! Он принесет вам платье... То самое, что вы примеряли... Вы не против?

– Нет, – с облегчением отозвалась Алиска, поняв, что одной головной болью поубавится, – пусть приходит!

Чем меньше времени оставалось до указанного Аркадием часа, тем больше она жалела, что согласилась лезть в чужие проблемы. Какое ей дело до Аркадия? Но где-то в глубине души Лиса понимала, почему тот столь легко добился своей цели. Ей хотелось снова увидеть необычное кольцо.

Стилист оказался маленьким забавным человечком с гадостной козлиной бородкой, производящей впечатление засохших остатков ужина, которые так и хотелось стряхнуть. Передав Лисе коробку с платьем, он деловито огляделся и, перевернув объёмный саквояж, энергично вытряхнул на стол кучу пакетиков, баночек и тюбиков. Затем, словно выпущенный на свободу кенар, самозабвенно залился рассказом о модных тенденциях в причёсках и макияже.

– Непременно, непременно, милочка, тончик! Подчёркнём достоинства, скроем недостатки... И тени, непременно перламутровые тени...

Настроение у Лисы испортилось окончательно. Но человек настоял на необходимости вечернего макияжа и она смирилась. В конце концов, ему виднее. Это его хлеб.

К счастью хоть и болтливым, но мастером тот оказался расторопным. Поэтому всего через какой-нибудь час, взбив ей на макушке крутые кудри, он благополучно удалился во-свояси.

Лиса придирчиво оглядела себя в зеркало. Хм, этот стилист хоть и трепач каких поискать, но дело свое знает крепко... Из зеркала загадочно смотрела эффектная незнакомка, словно только сошедшая с обложки модного журнала. Алиска еще раз хмыкнула, размочила под краном пару самых безумных кучеряшек и результатом осталась довольна. Всё-таки торжественное мероприятие, а не обед в соседской кафешке...

До прихода Аркадия оставалось больше часа. Лиса бесцельно помоталась по дому, перекладывая вещи с места на место. Красная коробка с платьем, лежащая на столике в прихожей, притягивала взгляд и, что ещё хуже, путала все мысли.

«Ладно, переоденусь! – решила наконец Алиса, махнув рукой. – Похожу в нём часок по дому!»

И, уцепив коробку, поднялась наверх, где в спальне было большое зеркало. Облачившись в наряд, она с некоторым удивлением обнаружила, что платье сидело, словно влитое. Там, где было чуть широковато в талии, теперь было ушито.

– Ну и ну! – вертась перед трельяжем, хрюкнула Находка, – удивительная предусмотрительность!

Если она правильно поняла, платье принадлежало Эмме и

как та отреагирует на такую трогательную заботу о ближних, оставалось только догадываться.

– Впрочем, – вздохнув, громко повторила сама себе Лиса, – это их личные проблемы!

Удовлетворившись своим внешним видом, она занялась мелочами, неизменно сопутствующими торжественному выходу в свет, помимо воли качая головой и размышляя о тщете всего сущего. За этим и застал её звонок в ворота. Мельком глянув на часы, Лиса отметила, что ещё только половина шестого.

Она спустилась в холл. Возле калитки стоял мужчина. Поскольку он увлеченно разглядывал что-то у себя под ногами, в видеофоне маячила только тёмная макушка. Пару минут Находка щурилась, силясь идентифицировать незнакомца и, не справившись с задачей, ткнула в кнопку.

– Вам кого!? – крикнула она, не испытывая желания лишний раз бегать по дорожкам.

– Алиса, это я, Аркадий! – отозвался тот, поднимая голову.

Лиса крикнула от неожиданности и нажала кнопку.

Представший перед ней импозантный мужчина решительно ничем не напоминал вчерашнего визитера. Стильная тонкая бородка, аккуратно уложенная прическа... Темный цвет волос ему очень шёл, делая похожим на настоящего «мачо»... Ясный взгляд, белозубая улыбка и парфюм... Необычный, тонкий и дразнящий аромат... Вместо пёстрых

балахонистых рубашек, в которых Лиса привыкла видеть своего клиента, модный костюм, вызывающая небрежность которого сама за себя красноречиво говорила о стоимости. Не сумев скрыть своего удивления, Лиса восторженно протянула:

– Аркадий... мои комплименты!

Довольный реакцией, он протянул ей руку и широко улыбнулся:

– Алиса, рад, что произвел впечатление... И позвольте ответить вам тем же!

Аккуратно уцепив протянутую в ответ ладонь, он галантно приложился губами к её пальцам.

Они прошли в гостиную. Алиска заметила в руках гостя пёстрый полиэтиленовый пакет.

«Неужели в этой цветастой авоське – «Путь Бога»? Где же тогда стадо гоблинов?»

Аркадий, сам того не ведая, ответил на её вопрос. Пристроив свою ношу на журнальный столик, он взглянул на Лису лукаво:

– Алиса, вы божественно великолепны! Пожалуй, красотой вы затмите даже «Путь Бога», хотя это вовсе не входит в планы нашей корпорации! – Та смущенно хлопнула ресницами. – А его вы наденете, когда прибудем на место. Пока оно ещё в сейфе под охраной... А сейчас... Думаю, вы простите, что я пришел немного раньше. Но я знал, что вы непременно будете волноваться. Для этого нет никаких при-

чин, уж поверьте, дорогая Алиса, я знаю, что говорю! И чтобы вы совсем успокоились, я принёс... – он сунулся в пакет, – прекрасное шампанское! И конфеты! Всего пара глоточков поднимут вам настроение...

Он посмотрел выжидающе, и Лиса сообразила, что требуется посуда. Улыбнувшись кавалеру, проявлявшему такую исключительную заботу о её нервной системе, она сунулась в буфет и извлекла пару подходящих мероприятию бокалов. Тем временем гость откупоривал бутылку. Громко хлопнула, улетая в пространство, пробка. Аркадий придвинул даме кресло, усадил, после чего непринужденно сунулся в буфет за стопкой. Вероятно, бизнесмен не был большим поклонником лёгких газированных напитков: во внутреннем кармане пиджака Аркадия уютно затаилась плоская фляжка.

«Он ещё и алкоголик!» – подумала Лиса, обаятельно улыбаясь кавалеру. Впрочем, по большому счёту ей было плевать, будь он хоть трансвеститом с математическими склонностями.

– Всё будет прекрасно! – весело кивнул он, разливая. – Нас ждёт успех!

Шампанское оказалось изумительным. Лиса с удовольствием выпила бокал до дна и вытянула из коробки конфетку.

– Машина будет через двадцать минут, – сверившись с часами, сказал Аркадий, – а пока мы вполне можем поболтать...

Он скинул с плеч пиджак, явив взору весьма недурно наработанные мышцы, ладно перекатывающиеся под тонкой тканью рубашки, и уселся в кресло напротив. Следующий тост как водится, прозвучал за удачу.

Благодаря неустанным заботам и лёгкой болтовне гостя, Алиска и в самом деле успокоилась и даже расслабилась.

– Что значит «чересчур расслабилась?» – хихикнув, с любопытством переспросил Бублик. – В смысле... несвежее шампанское?

– Юморист задрипанный, – мимоходом поморщилась Алиска. – Говорю же: такое спокойствие накатило – хоть в космос меня отправляй! Ровно в шесть машина на улице забибикала, мы вниз спустились... А там как в кино – мерзкий чёрный лимузин. Длинный как кишка... Ну загрузились, я ещё лбом о притолоку стукнулась, чуть все кудри не посшибала. Сели, поехали. Самое забавное, – не помню толком, сколько ехали, куда... Вылезли у какого-то шикарного здания. Бизнес-центр... Ковровая дорожка, хрустальные люстры, всё сверкает! Аркадий меня под ручку и прямо соловьём поёт! Сначала зашли в небольшую комнатку. Стеллажи до потолка, диван длинный во всю стену... Вижу – гоблины сидят. Увидели нас, повскакивали. Змеёныш наперёд вылез, лыбится на меня как блин с маслом...

– Кто? – удивленно мотнул головой Бублик. – При чём тут змеёныш?

– Не перебивай! – морщась, ткнула я его под локоть. – Змеёныш – это тот, у кого ключ от футляра... И взгляд у него такой... змейский... Потому что, когда на женщину смотрит, чересчур много о себе воображает... Правильно я говорю, Лиса?

Она глянула на меня с одобрительной улыбкой и кивнула. Во взгляде, переведенном на нашего друга, явно сквозило сожаление, и легко угадывалась оценка мужского образного мышления.

– Так вот... – с нажимом протянула рассказчица, выдержав выразительную паузу, – если мне позволят наконец продолжить... Змеёныш лыбится, восторг выражает... Аркадий ему сурово так бросил: «Викентий Ильич, прошу открыть сейф!» Тот засуетился, сунулся к стеллажам. Две полки вот так выдвинул... Там сейф. Один мордастый его открыл, вынули футляр... В общем, церемонии – как на обеде у английской королевы! Аркадий кольцо взял, на меня надел. А я стою... как дура... Довольная как слон и улыбка до ушей. Чувство такое, будто я на огромном корабле... Волны, палуба покачивается, облака, чайки...

Вот тут мы с Бубликовым враз насторожились, я даже машинально его за руку схватила. Бросила осторожный взгляд на стоящую у буфета бутылку абсента. Да она вроде и не злоупотребляла, так чуть-чуть... С чего это вдруг её на палубу

занесло? Но Антошка ответил едва заметным рукопожатием, не психуй, мол, раньше времени. Видишь, просто волнуется девушка...

– Вышли мы с Аркадием вдвоем. Он меня под локоток поддерживает и всё на ушко как кот мурлычет... Поднялись по большой стеклянной лестнице в зал. Там такой мон plezier! Екатерина отдыхает! Музыка вживую, на всех столиках букеты, всё блестит-переливается... И вот только мы в дверях показались, все как по команде заткнулись! Тишина как в гробу... прости меня, господи! Начали мы со всеми по очереди раскланиваться. Но я-то соображаю, что никто кроме «Пути Бога» ни черта не видит! Так тарашатся, что у меня чуть кожа на груди не задымилась! Потом подошли к каким-то япошкам. Или китайцам. Или корейцам. Я не поняла. И так с ними любезничали, что я сама сообразила, что это и есть те самые партнёры. Аркадий от любезности едва пополам не порвался, и япошкам скалится, и мне стульчик пододвигает, словом, марлезонский балет, часть вторая...

– Ну и что именно вы делали? – рискнула высунуться я, обратив внимание, что подруга непривычно грешит смазанным поверхностным описанием. – Что за контракт такой?

Находка осеклась и сморщила нос, словно сама находилась в недоумении:

– Что делали? Болтали... Шампанское пили. Про контракт... не помню...

– Всё ясно! – хмыкнул Бублик. – Казань брал, Астрахань

брал... Шпака не брал... О! Да вы, ваше благородие, наре-
зался там!..

– А вот и нет! – вознегодовала хозяйка. – Наш столик был
на шестерых, включая переводчика, и три бутылки шампан-
ского! Чем там резаться?

– А чего ж ты ни фига не помнишь? Говорил твой Арка-
дий с япошками о делах?

– Конечно говорил! – убежденно кивнула Лиса, однако,
помешкав пару секунд, покаянно добавила, – но не помню,
о чём именно... А! Вот чего-то там не было... Толи кого-то
потеряли...

Это было странно, если не сказать больше. Распиши нам
Находка о свершившейся сделке три листа в клеточку, мож-
но было бы чувствовать себя спокойно. Два из них можно
было бы спокойно выбросить на помойку, зато оставшийся
содержал бы не менее пятидесяти процентов правды.

– Ладно, бес с ним, с контрактом! – махнула я в нетерпе-
нии рукой. – Что дальше?

– Дальше... много всего... Ах да! Баритон там был! К
микрофону вышел, романсы пел. Дамы прямо выли от вос-
торга. Мужики, правда, большей частью мигрировали. В
особую комнату, сигары курить. Это теперь модно, аристо-
кратов из себя корчить! Вообще было довольно весело. А ко-
гда я в туалет решила сходить, то за мной два гоблина впёр-
лись и под дверью ждали...

– В женском туалете?

– Ага! – кивнула Лиса, радостно тараща глаза. – Дурдом, да?

– Да... – хмыкнув, кивнула я, – похоже, действительно там было весело...

– Но самое веселье было позже, – многообещающе взмахнула бровями подруга. – Вскоре Аркадий шепнул, что мероприятие заканчивается. Всё, говорит, прошло блестяще и можно потихоньку сматываться. Я конечно виду не подала, но обрадовалась. В общем, честно скажу, суеты там хватало, я под занавес так устала, что ноги еле держали. Спустились в ту самую комнату со стеллажами. Гоблины там кучкой стоят, нас дожидаются. Мы с Аркадием подошли к сейфу. Я повернулась, гoblin колье расстегнул... Вдруг слышу, – открывается дверь и кто-то громко так рявкнул: «Господа, прошу всех оставаться на местах!» Ну прямо как в кино! Все туда уставились, а я только краем глаза успела увидеть, что это один из япошек, что среди гостей был. Высокий, красивый... Я его хорошо запомнила, он с меня весь вечер глаз не сводил. Прямо думала, что замуж позовёт! Только там, в зале, он кое-как слова коверкал, а тут безо всякого акцента, словно диктор на радио! И только, помню, мелькнула мысль: «Не иначе, свататься явился...», как кто-то осторожно тронул меня за руку и к себе потянул... А я недалеко от угла стояла, оглядываюсь, – там закуток и дверца. Чуть приоткрыта, а оттуда Змеёныш скалится. Я ещё и подумать не успела, как уже в коридорчике оказалась... Он меня тянет да шеп-

чет: «Чего вам, Алиса Венедиктовна, лишними проблемами голову морочить? Они сами разберутся! Отправляйтесь домой, вас подвезут!» Вниз по винтовой лесенке спустились, возле дверей машина. Я обрадовалась, голова уже гудеть начала, да и устала здорово... Змеёныш за мной дверцу деликатно захлопнул и ручкой помахал. Вот и всё...

Алиска обвела нас взглядом и развела руками.

– И ты его больше не видела?

– Змеёныша?

– Соседа?!

– Как не видела! – нервно вскинулась Лиса. – Говорю же, утром следователь меня туда поволок...

Я деликатно уточнила:

– Живого? До... того?

Она тряхнула головой и после минутного раздумья всхлипнула:

– Нет, конечно... Где ж мне его видеть? Я домой приехала да спать легла... К концу такая усталость навалилась, словно катком проехали! Даже уснула в машине!

– А ночью ничего не слышала? Всё-таки стреляли?

– Ничего я не слышала. Дрыхла без задних ног, а утром следователь вломился с вопросами своими идиотскими...

– Ну и ты...

– Рассказала, что могла! Ну всё, что вспомнила! У меня голова пудовая, а он: «Что, да где, да почему?»

– А почему он просил тебя никуда не уезжать?

Она в полнейшем недоумении пожала плечами:

– Понятия не имею... Я предположила, что возможно это дело рук его жены... Едва ли Эмме понравилось как обошлись с её платьем!

Я крикнула от неожиданности:

– Так ты ему ещё и версии свои выдвигала?

Находка попробовала сделаться меньше размерами, не смогла, и скромно кивнула.

– А с кем это мы во дворе столкнулись? – осуждающе качая головой, осведомился Антон. – Гоблины?

– Нет, – мотнула она головой, и на лице неожиданно появилось жалобное выражение, – это друзья...

Друзья, вызвавшие такую гамму чувств на физиономии подруги, вполне стоили того, чтобы узнать о них больше.

Повествование давалось Находке с трудом. Она то принималась шмыгать носом, уверяя, что происходящее сведёт её в могилу, то хорохорилась, утверждая, что видела всех в гробу в белых тапочках.

– Нет, они что о себе думают? Я им кто? Да пошли они все!

Мы с Бубликом терпеливо выслушивали причитания, уже давно поняв, что раньше расчётного времени рассказ не закончится.

– Сначала я даже подумала, что это следователь вернулся. Может, думаю, забыл чего-нибудь. Поэтому калитку не глядя открыла. А через минуту в дом вламываются трое... Хоть бы ногами об коврик пошаркали! Куда там! Вы, говорят, Алиса Венедиктовна? И прут на меня как танки на Курской дуге, пока я в диван не воткнулась! Говорю: «Ну я... А вы, позвольте, кто будете?» Тут двое с обеих сторон около меня пристроились, а тот, что всё наперёд высовывался, рожу скривил: «Мы близкие друзья усопшего... – у меня прямо мурашки побежали. – Насколько нам известно, вы были последней, кто видел его живым...» И дальше в том же духе... Я пыталась объяснить, как всё было, но где! Легче котам теорему Пифагора доказать! Минут сорок, наверное, это продолжалось, с меня семь потов сошло. Те, которые по бокам сидят, смотрят так, что, думаю, лучше самой застрелиться, чтоб не мучиться. Чувствую, что покрываюсь уже последним, предсмертным потом. И вдруг у того, кто говорил, телефон зазвонил...

– То есть, они подозревают, что это ты Аркадия хлопнула?

– Если бы! – взвыла Лиса и скривилась так жалобно, что я едва не зарыдала в голос. – Они хотят, чтобы я отдала им «Путь Бога»...

– Чт-о-о!?! – я вытаращилась как морской окунь на свежем воздухе, а Бублик разинул рот. – А он у тебя?

Хлопая честными, полными слёз глазами, Лиса так замотала головой, что хрустнули шейные позвонки.

– Тогда чем они это мотивируют?

– Ничем, – горько хрюкнула несчастная. – До мотивов дело не дошло. Как телефон позвонил, тот мужик буркнул: «Понял!» и кивнул двум другим. Те встали молчком и потопали. А он в дверях оглянулся и сказал: «Договорим чуть позже... И один дружеский совет – не затягивайте с этим вопросом!»

Мы с Антоном обменялись взглядами. Он покачал головой и, потянувшись, встал. Уперев руки в бока, прошёлся по кухне, старательно делая вид, что шевелит извилинами. Маневр невынужденного вставания произвел на нас с Лисой впечатление и мы уставились на Бубликова в ожидании: чем то сейчас озарит нас светлый мужской ум?

– Что-то жрать охота, – вдруг озабоченно сказал тот и поглядел неодобрительно, – ночь уже на дворе!

Столь плавный переход несколько сбил нас с толку, зато сказал он чистую правду.

– И то! – печально вздохнув, кивнула хозяйка, вероятно согласившись, что на пустой желудок такие задачки решать сложно. – Глазунья вас устроит?

Мы оба весьма энергично кивнули, и сладостное шкворчащее видение на миг затмило сверкающий бриллиантовый след божественной поступи.

Шаркая, словно старуха, ногами, Лиса исчезла где-то в направлении кладовки. Бублик проводил её озабоченным взглядом и торопливо присел на соседний табурет. Мы скло-

нились друг к другу.

– Слушай, Жужу... – так эти болваны прозвали меня ещё в начальной школе, потому что явно завидовали звучной фамилии, – всё это выглядит... вернее, звучит более, чем...

– Странно, – кивнула я, поглядывая одним глазом в сторону коридора.

– Именно... Давненько я не слышал от неё ничего подобного... Если бы мы не столкнулись во дворе с тремя субъектами, я решил бы, что Лиса взялась за старые шутки! – возбужденно зашептал Антон. – Вот ты где-нибудь видела высоких японцев?

– Не скажи... – засомневалась я, – вон показывают тех, что сумо занимаются. Здоровенные...

– И очень красивые! – с сарказмом поддакнул он. – Предполагаешь, что Лиса могла запасть на сумоиста?

Один бог ведал, что могла сделать дорогая подруга, однако на торжественном приёме борец сумо едва ли мог понадобиться.

– А упиться двумя бокалами шампанского? Так, что ни хрена не помнит?

– Она могла просто переволноваться... К тому же, она выпила больше. Пару бокалов дома... Пару на вечеринке...

– Четыре, – взмахнув бровями, посчитал настырный журналюга. – Ну пусть даже пять! Всё одно – чушь!

Меж тем вернулась хозяйка, бережно прижимая к груди картонную упаковку с яйцами.

– Ну что, решаете к кому мне: к наркологу или к психиатру? – хмыкнула она, оглядывая наши озабоченные рожи. Пристроив хрупкую ношу на столик возле плиты, оглянулась: – Чай будете?

– Ча-а-й? – вдруг задумчиво протянул Бублик, пристально глядя на Алиску: – Чай? – И оживился: – С конфетами?! А, Анька? – Он, не глядя, ткнул меня в плечо: – Правильно?

И, взмахнув руками, снова вскочил на ноги. Очередной приступ активности работника СМИ едва не лишил нас с Лисой дара речи. Антон безмерно походил на молодого спаниеля в ожидании апортировки. Но тут где-то в глубине моих извилин слабо трепыхнулась догадка:

– Ах, конфеты?! С шампанским? Правильно!

В глазах подруги мелькнула тревога. Однако мысль развивалась в нужном направлении и в следующую секунду Алиска хлопнула себя по лбу:

– Как я раньше не догадалась?

– Где? – взвился Бублик.

– Там в гостиной, возле камина...

Громко топая, Бубликов ринулся в коридор. Мы замерли в нетерпеливом ожидании. Но, как и следовало ожидать от Бубликова, секунд через пять со стороны гостиной раздались горестные вопли:

– Ну где? Алиска! Я не вижу!

– Вот блин! – плюнула хозяйка, трясая головой. – Опять в трёх соснах заблудился! Как он гостиную-то нашёл, не знаю!

Надо было сразу самой идти!

Раздраженно бормоча, она пошла на зов. Я пристроилась следом. Через пару секунд мы увидели озадаченно оглядывающегося Бубликова.

– Да вот же, на столике! – махнула рукой Лиса, повернулась в указанном направлении, и раздражение моментально сменилось растерянностью. – Ой! А где?

Обозначенный столик возле камина пустовал, причем явно. На нём даже пыли не наблюдалось.

– Может сама убрала? – робко спросила я, хотя по выражению Лисьих глаз хорошо видела, что это не так. – Может перед уходом быстренько сполоснула бокалы... шампанское в холодильник?! Или когда вернулась? Быстренько...

– Жужу, я про это и не вспомнила больше ни разу как мы уехали... А когда вернулась, то быстренько в кровать бахнулась...

– Погоди, погоди! – встрял Бублик. – Ты прямо в образе бахнулась? В чужом платье?

На лице Находки отобразилась гримаса, символизирующая мучительные воспоминания.

– Нет... нет... Постой... Платье, оно ведь... Ой! – вдруг обрадовавшись, завопила она, – платье-то шофёр забрал! Вместе со мной зашёл, я в халат выпала, а платье ему вер-

нула. Чего мне с чужой вещью возиться? Оно денег, небось, стоит!

Восстановив отдельный пробел в памяти, Лиса явно приободрилась. Сунулась к буфету и, поманив нас, удовлетворенно ткнула пальцем:

– Вот, пожалуйста! Это те самые бокалы. Все на месте. А из этой стопочки Аркадий водку из фляжки пил... И пусть меня повесят, если это я их вымыла...

Однако упомянутой бутылки шампанского, ни пустой, ни полной мы так и не нашли. Коробка конфет, принесенная Алисе гостем, также бесследно исчезла, и оставалось только гадать, кто здесь занимался наведением порядка.

Наконец искать вчерашний день в подружкиной гостиной мне надоело. Окинув взглядом сосредоточенных, а оттого выглядящих безмерно глупо, одноклассников, я начала:

– Знаете, ребята, утро вечера мудренее... Мне завтра...

И тут взгляд отчего-то упал на кресло, стоящее возле углового окна. Висевшая рядом кружевная портьера спускалась почти до полу, вот на этом самом полу я и заметила нечто, совершенно для приличной гостиной чужеродное. Обогнув диван, подошла ближе и пригляделась. Из-под портьеры торчала пробка. И если я хоть что-нибудь смыслю в алкоголизме, пробка от шампанского.

– Твоё? – выпрямилась я, подняв находку.

– Хм! – Алиска встала рядом и, развернувшись к камину, удовлетворенно кивнула, – так и есть! Именно сюда он её и

запулил!

– Стой! – заорал вдруг Бублик и кинулся к нам: – Не лапай!

Подскочив, он довольно больно схватил меня за запястье, повернул кисть и осторожно взял пробку за ободок. Скачущий козлом бывший одноклассник производил такое сильное впечатление, что я даже забыла обругать его придурком, а только спросила:

– Что ты собираешься с ней делать?

Он понюхал пробку и, разглядывая так, словно впервые видел нечто подобное, усмехнулся:

– Почему я даже не удивлён, что ты не догадалась?

Алиска фыркнула:

– Сейчас скажешь, что её надо отдать на экспертизу! Глупости! Вот если бы найти конфеты... А засунуть снотворное или что там ещё в закрытое шампанское невозможно...

– Практически невозможно! – парировал Бублик. – Но... можно. Если очень надо.

– А с чего ты взял, что ему очень было надо? – не сдавалась Лиса, которой явно не нравилось мысль, что какое-то время, согласно чужому злему умыслу, её цинично водили за нос. – Вполне мог бы взять бутылку обычного вина, там с пробкой проблем нет!

– Откуда ему знать какое вино ты пьёшь, и пьёшь ли вообще? А от шампанского да ещё в такой обстановке, в бигудях и финтиклюшках, ещё ни одна женщина не отказыва-

лась! Твой любезный знакомец, царство ему небесное, был вовсе не дурак! Скорее всего, ему надо было, чтобы ты помалкивала и ничего про тот вечер не помнила!

– Больно много, как я вижу, Бублик, ты про женщин знаешь! И про бигуди, и про финтиклюшки...

– Конечно! Пока ты там с облаками на палубе качалась, твой Аркадий делал, что хотел, а тебя использовал вместо вешалки!

Я с увлечением слушала их беззлобную перебранку, в которой, на мой вкус, логики было ничуть не меньше, чем чуши. Но один вопрос всё же беспокоил, поэтому минут через десять я позволила себе вмешаться.

– Погодите тарыхтеть! Сядьте! И положи, Антон, пробку бога ради! Что ты с ней, как с писаной торбой?.. Лиса, а ты следователю рассказывала о том, что Аркадий приносил шампанское?

– Нет, конечно! – дёрнула та плечами. – Он свалился с утра как снег на голову, я и не вспомнила.

– А про «Путь Бога»?

– А зачем? – Мы с Бубликом мельком переглянулись, мысленно усмехаясь. Раньше подобные вопросы у неё никогда не возникали. – Просто объяснила, что Аркадий просил сопровождать его, потому что жена не успела вернуться из Италии...

– Да уж... – протянула я. – И теперь мы придём к нему и покажем пробку от шампанского? Которое ты, якобы, рас-

пивала вместе с убитым? А потом... море, облака, чайки? И высокий японец?

– Следствие должно учитывать факт возможного умысла... – упрямо мотнул головой Бублик, так и не выпуская из рук бесценную улику.

Одно время наш журналюга обретался в отделе криминальных новостей и не на шутку увлекался теорией всемирного заговора.

– Ну если бы его застрелили пробкой от шампанского, тогда, думаю, следователь принял бы этот факт во внимание. Но его ведь не пробкой убило?

– Не пробкой... – энергично затрясла головой враз сникшая подруга. – Помню, следователь сказал: «...был застрелен!» Но, на мой взгляд, ему кувалду на голову уронили... – Лиса схватилась за грудь и горько всхлипнула: – Меня опять тошнит...

Я Лисе сочувствовала. Быть сегодня утром на её месте я бы едва ли согласилась. Но на происходящее надо смотреть трезво.

– Всё это будет выглядеть, словно ты пытаешься придумать себе отмазку! Ты ведь не рассказала сразу. Зато накапала на Эмму...

– Я не капала. Только сказала, что они в ссоре, и он дал мне её платье...

– Зачем ты вообще вылезла с этим платьем? Кто тебя за язык тянул? Что, если шофёр сразу отнёс его хозяину? По-

лучится, что ты могла быть в том доме ночью! Почему-то следователь попросил никуда не уезжать?

– Ты что, Шмелёва? – побелела Лиса, испуганно тараща на меня глаза. – Чего ты несёшь? Нигде я не была... И шофёр подтвердит...

– Шофёра ещё найти надо. Да ещё чтобы он захотел об этом вспомнить! – Я не только запугала подругу, но и перепугалась уже сама. – Ты его хоть в лицо помнишь? Машину? Номер?

– Ну-у... Да-а... Мужик... Седой совсем. В тёмном костюме... И фуражке...

– Солдат что ли? – влез подозрительно долго молчавший Бубликов.

Находка сморщилась:

– Какой солдат? Говорю, – шофёр!

Я задумалась:

– Ты хочешь сказать, что на нём была шофёрская униформа? – Лиса сделала вид, что именно это и хотела сказать. – В принципе найти можно, если брали в аренду автомобиль с шофером. Не так уж много таких компаний... Хотя едва ли наёмному водителю могли поручить забрать платье. Скорее всего, машина просто принадлежит кому-то из фирмы Аркадия. И мне кажется, это хуже.

– Почему?

– А что если они не захотят выносить сор из избы?

– Ну тогда, старухи, пойдём, пожарим все-таки яичницу! –

подвел невеселый итог представитель мудрейшей половины человечества.

Хозяйственные хлопоты как всегда пришлось взять на себя. Бубликов заявил, что с голодухи позабыл, с какой стороны разбивают яйцо, а у наметившейся подследственной руки дрожали так, что доверить ей такой хрупкий продукт было бы, по меньшей мере, неосмотрительно. Однако эти причины ни в малейшей степени не помешали обоим с хрустом умять всё положенное на тарелки. Я ещё крутилась возле плиты со своей порцией, а дорогие одноклассники уже дружно приступили к вину и сыру.

– И что это за «Путь Бога» такой? – набулькав себе полный фужер, задумчиво откинулся на стуле наевшийся журналист. – Никогда не слышал. Ну ладно там «Тадж-Махал»... Или «Кохинор»... Надо будет пошариться в Интернете...

Погруженная в свои мысли, Лиса отрешенно чавкала, не обращая на нас никакого внимания.

– Бог с ним, с Интернетом, – наконец-то и мне удалось приступить к трапезе, – и даже плевать, откуда этот «Путь» взялся... Тебя не беспокоит другое, – почему кто-то считает, что он у Лисы? Его же с неё сняли, причем в присутствии нескольких человек? Хотя бы тот же Змеёныш должен был видеть, что на ней его нет?

– Эй, Лиса, кончай медитировать! – повернул голову Бублик. – А ты уверена, что у тебя нет этого колье? Может опять чего-нибудь запамятовала? Может ты случайно в нём уехала?

Лиса очнулась, сосредоточилась и посмотрела на нас укоризненно:

– Да кто бы меня выпустил? Они все как коршуны за нами следили...

– За кем «за вами»?

– Ну, за мной и... Путём. Я лишний раз руку боялась поднять! А потом его сразу сняли и в коробку...

– Ты говорила, что в тот самый момент японец вошёл...

– Правильно, говорила! Но я же не говорила, что мне колье обратно надели!

Мы с Бубликом сосредоточенно засопели, размышляя над вариантами.

– Может тебе его сунули в карман? – не самая удачная версия, но, похоже, других у Бублика не было.

– Не было у меня карманов! – рявкнула Лиса и, кажется, рассердилась.

Как не ломали мы головы, но кроме убитого бизнесмена да пробки от шампанского ничего больше не было. Были ещё друзья покойного, но они больше запутывали, чем проясняли дело.

– Вот что, – сказал наконец Бублик и долил себе остатки вина, – может Жужу и права. Пока эта пробка не улика. –

Я облегченно вздохнула. Однако эффектно выделенное «пока» насторожило. – Поэтому её надо отдать надёжному человеку... – не вставая с места, он потянулся, сцапал с полки полиэтиленовый пакет и, упаковав пробку, протянул мне. – Ну твоему соседу... Что на Петровке служит...

Я много чего от него ждала, но...

– Соседу? Это что, Юрке что ли? Лапкину?

– А у тебя много соседей в МУРе работает?

– Да он пошлёт меня на фиг вместе с вашей пробкой! Будет он всякой чушью заниматься!

– Почему чушью? – неожиданно встряла Лиса. – Он же, как раз, занимается преступлениями, имеющими широкий общественный резонанс... или как там? А Аркадий явно был не последним человеком в большой корпорации...

Так мы препирались ещё минут пятнадцать, однако каждый вероятно в силу усталости и позднего времени бредил всё больше и больше.

– Всё! – наконец заявила я. – На дворе ночь и велосипед нам все равно не изобрести. А мне домой позарез нужно, у меня утром встреча с шефом. Если опоздаю, он меня прибьёт... Поехали, Бублик!

– Подождите, подождите! – всполошилась вдруг Лиса. – Вы что, хотите бросить меня одну? Спятили? Я боюсь!

Она принялась трясти Бубликова за плечо. Тот поглядел на меня кротко аки агнец. И тут до меня дошло, что на мысленные изыскания журналиста ушло никак не меньше бу-

тылки красного и за руль он теперь не сядет. А мы на его машине, значит, в лучшем случае, я доведу его до дома, а сама отправлюсь дальше на перекладных. Всё это здорово смахивало на сговор.

– Ну уж нет! – взъерепенилась я, возмущившись наглой привычкой манипулировать мной по своему усмотрению. – Я не останусь! Давай, Лиса, ключи от своей машины, ты всё равно как Ленин в Шушенском!

Та слабо посопротивлялась, убеждая, что совесть не позволяет ей отпустить меня одну в столь поздний час. Но когда я пояснила, что после увольнения ей придется взять меня на иждивение, она взглянула на проблему под другим углом.

– Хотя и не очень поздно... И до твоего дома не очень далеко... И дорога хорошая...

Тут в Бублике всё же неожиданно проснулась совесть, и мы с ним активно препирались минут пятнадцать, хорошо не подрались. Обругав напоследок безответственного журналиста, я прихватила вещички и спустилась в гараж. Вздыхая и бормоча, Лиса услужливо тащила следом ключи от машины.

– Анечка, документы под козырьком... Не гони... Позвони, когда доберёшься... – Находка открыла двери, потом ворота и я вырулила на улицу. – Не забудь пробку Юрке отдать! – крикнула она вслед, я кивнула и прибавила газу.

Ночь, притаившаяся за окном машины, как говорится, соответствовала обстоятельствам. Луна, как и положено в ночь после совершения убийства, на небе отсутствовала. Хрумящая грунтовка, освещаемая слабым остаточным светом фонарей дачного посёлка, впереди резво втыкалась в чёрную громаду застывшего леса. Немытые фары Алискиного «Опеля» не первой молодости беспомощно шарили по дороге, словно пробираясь на ощупь и явно боясь потеряться во тьме. Я в какой-то мере разделяла их опасения, поэтому для поддержания духа разговаривала вслух.

– Между нами говоря, машину иногда следует мыть... Или хотя бы протирать световые приборы. Особенно, если едешь не сама, а кто-то другой... Например, лучшая подруга... В конце концов, машина не моя... и если я соберу сейчас в лесу все пни и колдобины – это не моя проблема!

Молчаливые еловые великаны, покачивая длинными мохнатыми лапами, со всех сторон обступили съездившийся «Опелёк». Я пришибленно умолкла, размышляя, зачем же всё-таки нелёгкая понесла меня в ночь, и что с шефом ровным счётом ничего бы не случилось, если бы я приехала после обеда.

Но худо-бедно, общими усилиями мы кое-как осилили пару километров лесного массива и вывернули на шоссе. Глянув вправо-влево, я преодолела наконец страх перед темнотой и притормозила. Шустро выскочив наружу, быстро протерла заляпаные фары и, юркнув на сидение, перевела дух.

Ночной лес и безлюдные загородные шоссе я, мягко говоря, не люблю.

Света мои манипуляции особо не прибавили, зато на душе отчего-то стало спокойней. Я включила музыку. Находка всегда любила рок-н-роллы, и через пару минут стало почти весело. Вероятно, именно поэтому блеснувший впереди свет не произвел на меня большого впечатления. Приглядевшись внимательнее, я вспомнила, что там пост ГИБДД. Я сбросила скорость и оказалась права.

– Стар... сер... бат... быков... ваш... прва и док...ты на машину... – заунывно протарахтела возникшая возле моего окна фигура с полосатым жезлом.

Переводить затейливую головоломку не требовалось, поскольку для начала все инспектора на дороге хотят от водителей примерно одно и то же. Я выключила музыку и, словно собачка из будки, с заискивающей улыбкой глянула на старшего сержанта. Отчего все работники автоинспекции вызывали у меня именно такую улыбку, оставалось загадкой и для меня самой.

– Пожалуйста... – я протянула ему права и резво сунулась за солнечный козырек за обещанными документами.

На руки свалилась доисторическая квитанция о замене резины. Я ещё раз похлопала по гладкой поверхности и натянуто улыбнулась.

– Шмелёва Анна Алексеевна... Документы на машину, ОСАГО, пожалуйста... – вяло протянул гаишник, подсвечи-

вая фонариком права и не проявляя ко мне ни малейшего интереса. Я в этот момент активно шарилась по салону. – Попрошу документы... – повторил он, глянул мне в лицо, и в глазах робко загорелось нечто подобное азарту. – Нет документов на машину?

– Конечно, есть! – фальшиво вознегодовала я. – Одну минутку!

Судорожно перебирая, что могла перепутать с козырьком от солнца любимая подруга, я судорожно заворочала извилинами.

«Бардачок! – осенило меня. – Хотя у Лисы он предназначен исключительно для сбора хлама, почему бы не засунуть туда же и документы?»

Поскольку интерес инспектора к затребованной документации уже достиг апогея, я без раздумий дёрнула пластмассовую защёлку и принялась наугад шарить в куче всевозможного барахла. В образовавшуюся щель из бардачка вывалилась здоровенная железяка, пребольно ударив меня по пальцам. Я в сердцах чертыхнулась. В следующее мгновение салон осветил луч фонарика.

– Гражданка Шмелёва, я жду... – с плохо скрываемой надеждой надавил старший сержант и внимательно оглядел салон.

На моё счастье, в распахнутой дверце бардачка тускло блеснул ламинированный бочок заветной бумажки. Я возрадовалась и, потянувшись за ней, случайно глянула на коврик

переднего пассажирского сидения... Нагнулась и приподняла, чтобы лучше разглядеть... В глазах у меня поплыло... Уцепив документ, я всем корпусом развернулась к изнывающему от нетерпения инспектору. Руки тряслись.

– Вот, – кое-как сунув его инспектору, я жадно вздохнула всей грудью.

– Что с вами? – оглядывая меня в некотором недоумении, спросил гаишник. – У вас всё в порядке? – Я энергично кивала. – Вы себя нормально чувствуете? Может нужна помощь?

– Нет, нет... Просто я... у меня... Я забыла... забыла, что не выключила утюг... Спасибо!

Сцапав из протянутой руки документы, я кивнула слегка разочарованному инспектору и развернула «Опель» на сто восемьдесят градусов.

– Анька, ты что ли? – в донёшемся из динамика Алискином голосе отчетливо читалось удивление вперемежку с испугом.

– Нет, это королева-мать! – затравленно прорычала я, нервно оглядывая спящую улицу. – Открывай!

Мягко дрогнули створки ворот. Я вкатила во двор.

На крыльце показались однокашники. Физиономии у обоих были подозрительно-настороженными. Оглянувшись, я

убедилась, что ворота за мной закрылись, заглушила мотор и вылезла. Навстречу уже озабоченно шаркала Алиска.

– Почему ты вернулась, Анечка? – козой заблеяла она, быстро скосилась на бампер, на фары, и украдкой облегченно выдохнула. – У тебя что-то случилось?

– У меня?! – подобно Мефистофелю, хрипло каркнула я. – Нет, дорогая, у тебя!

Тут и Бублик не вытерпел, стащил свой зад с крыльца и подошёл поближе.

– Жужу, ты странно выглядишь... И веко у тебя дёргается...

– У тебя сейчас тоже задёргается... – пообещала я, обошла «Опель» и распахнула пассажирскую дверцу. – Находка... морда козлячья, что это?

И гневно ткнула пальцем в грязноватый коврик.

Любопытство – страшная вещь. Лиса с Бубликом одновременно сунулись в указанном направлении, славно приложившись лбами. И хотя просыпавшиеся из их глаз искры неплохо осветили салон, Лиса как всегда заныла:

– Ничего не вижу... Что? Где... – но в следующее мгновение зашлась, словно недельный цыплёнок: – Пи..! пи-пи..! пи-пи...

– Пистолет! – радостно подсказала я.

Бублик отпрянул от машины и, развернувшись, сверкнул на меня глазами:

– Где ты его взяла?!

Подобная постановка вопроса мне необычайно понравилась:

– У встречного гаишника одолжила! А то что, думаю, мы как сопляки с пробкой от шампанского?

Бубликов в сердцах крякнул, как видно почуяв журналистским нутром глубоко запрятанный сарказм. Однако собраться с мыслями пока никак не мог.

– Анька, объясни толком: что за чёрт?

Но, пожалуй, добиться толка от этой истории и сам чёрт смог бы только, если ему взялась помочь одна молодая, бездумно пипикающая девушка.

– Лиса, как у тебя в бардачке оказался пистолет? – закончив живописание недолгих ночных странствий, спросила я, потрянула подругу, но она вдруг начала икать.

Это было неожиданно. Пока мы с Бубликом изумленно прислушивались, Лиса пошла дальше. Она заквахтала:

– Кто... кто... кто? Ох! Кто... кто...

Бублик поджал губы и шепнул:

– Похоже, девушка не в теме!

Похоже, он был абсолютно прав.

Так мы и стояли как три истукана возле распахнутого «Опеля». Бублик молча моргал на проклятый коврик, Лиса настойчиво продолжала то икать, то кудахтать, причем делала это столь громко, что мне казалось – нас слышит весь посёлок.

– Его нужно оттуда убрать, – выразительно изрек наконец

Бубликов. – И, Жужу... Заткни её чем-нибудь, ради бога, сейчас ведь соседи сбегутся!

Поняв, что в своих опасениях не так уж одинока, я обхватила Лису за плечи и потащила к дому. Окинув меня несчастным взглядом, она горько икнула.

Пристроив хозяйку на диване в гостиной, я сбегала на кухню, где на ощупь нашла бутылку минералки. Включать в доме свет почему-то было страшно. Сунув бутылку Лисе в руки, я выглянула в окошко.

На дворе стояла тьма непроглядная. Дверцу «Опеля» Антон захлопнул, а луна показываться всё ещё не спешила. Несколько минут я напряжённо шарила взглядом по тёмным размытым очертаниям. Наконец возле крыльца мелькнул силуэт нашего журналиста.

– Идёт... – громко шепнула я, в ответ за спиной раздалось судорожное бульканье. Несчастливая Лиса никак не могла избавиться от приставшей икоты. – Только вот...

Я не успела развить мысль о том, что мне не нравится то-ропливость, с которой возвращался в дом Бубликов. В тот самый миг, когда он появился на пороге, вдруг пронзительно и громко заверещал зуммер видеофона.

– Ай! – взвилась вверх Находка, выливая на себя остатки воды из бутылки.

Я вздрогнула и уставилась на Бубликова, застывшего в дверях гостиной.

– Девчонки, там к воротам машина подъехала. «Форд»

с мигалками. Похоже, ментовская... Нельзя не открыть... Только спокойно! Я всё спрятал... Не орать, не рыдать... Нич-ч-чего не рассказывать! А ты вообще лучше помалкивай! – скороговоркой выпалил он и ткнул пальцем в бледную физиономию Находки. – Жужу, постарайся контролировать её длинный язык и, если что, кашляй или плюнь в неё, на худой конец!

И исчез в холле.

Я глянула на молча всхлипывающую подружку. Она выглядела такой пришибленной, что слёзы просто наворачивались на глаза.

– Алисочка, – поглядывая одним глазом в окно, за которым Бубликов уже распахнул калитку перед полицейскими чинами, зашептала я. – Ну где ты его взяла?

Она посмотрела с укоризной:

– Что ты, Анька? Я вообще первый раз в жизни оружие вижу! А может он ненастоящий? – вдруг ожила она. – Бублик хорошо посмотрел?

– Только давай спросим об этом после! – взволнованно буркнула я, поскольку за дверью уже послышался топот. – И не вздумай сейчас лишнего болтать...

Несмотря на поздний час, трое мужчин в штатском, уже пару минут топтавшие грязными ботинками палас в Алис-

киной гостиной, выглядели весьма бодро. Из троицы я сразу выделила старшего: моложав, подтянут, выбрит; однако выражение глаз мигом ставило вас на место, заставляя позабыть и о его молодости, и о привлекательной внешности. Он произвел бы на меня довольно приятное впечатление, если бы не известные обстоятельства. Мы оглядели друг друга. Признаюсь, но глаза я отвела первой.

Алискино поведение позволяло сообразить, что визитёр ей уже знаком. Значит это следовательно, что был здесь утром.

– Приношу извинения за поздний визит... – переведя бесстрастный взор на всхлипывающую хозяйку, сообщил незваный гость, – однако изменились некоторые обстоятельства... Алиса Венедиктовна, прочтите...

Он шагнул к дивану и протянул сложенный вчетверо лист. Лиса немного поморгала, икнула и бумагу сцапала. Мы с Бубликом едва успели обменяться короткими взглядами, как молодой человек развернулся:

– Следственный комитет... капитан Мельников! – Он махнул перед нашими носами раскрытым удостоверением. – Позвольте узнать, с кем имею честь?

Безумно захотелось сделать книксен. Но я сдержалась и, подцепив свою сумку, извлекла оттуда водительские права. Капитан вежливо кивнул и повернулся к Бубликову. Тот по собственному почину уже рыскал в карманах в поисках удостоверения.

Пока Мельников возился с нами, два его спутника качну-

лись и плавно двинулись в разные углы, оглядывая помещение с некоторым излишним, на мой взгляд, вниманием.

– Ну и что это?! – оторвавшись от бумаги, хрипло квакнула Лиса, и пришибленность её как-то незаметно растаяла. – С какой стати?

– В чём дело, Алиса? – я подошла и села рядом, но подружка, мельком мазнув по мне взглядом, взяла ещё на два тона выше:

– В чём? Да это постановление! На обыск! Какого чёрта?! При чём тут я?

Честно сказать, я об этом уже догадалась. Но моя догадливость не имела ничего общего с одобрением происходящего.

– Обыск? Здесь? – сделав большие и круглые глаза, вскинулась я на загадочно помалкивающего капитана. – И что вы собираетесь тут... найти?

Капитан снизошел и посмотрел на меня ласково. Вероятно, он уже по опыту наизусть знал реплики всех персонажей предстоящего спектакля. По крайней мере, выражение его глаз говорило именно об этом.

Именно выражение глаз капитана Мельникова поселило в сердце какую-то неуверенность. Едва ли следователи обыскивают ночами все дома, расположенные поблизости от места преступления. И трудно поверить, что капитан с товарищами страдает бессонницей. Он знает, зачем сейчас сюда пришёл. Что-то заставляло думать, что я это тоже знаю.

Единственным положительным моментом в происходя-

щем было то, что Лиса, начисто позабыв об истеричной меланхолии, прекратила икать. Теперь она шипела, словно рассерженная габонская гадюка, которой прищемили дверью хвост.

– Если я ничего не путаю – а я ничего не путаю! – вы, товарищ следователь, должны каким-то образом аргументировать столь несвоевременный визит... – Находка перешла на высокий стиль, а это был плохой признак. – Тем паче, что я ещё утром сообщила о том, что к убийству Аркадия Самарина никакого отношения не имею! И поставьте Баха на место!..

Последнее гневное замечание относилось к одному из помощников Мельникова, неосмотрительно взявшему в руки стоявший на каминной полке бронзовый бюстик любимого Алискиного композитора. Помощник кинул вопрошающий взгляд на Мельникова. Тот едва заметно прикрыл веки, и бюстик моментально оказался на прежнем месте.

«А с этими ребятами стоит держать ухо востро! – вдруг почему-то подумала я. – Похоже, с такими лопухами как мы они не одну собаку съели!»

Жаль, что то же самое не пришло в голову Находке.

– Я не видела его после того как вернулась! Вы можете спросить...

– Вы хотите сказать, что Самарина в доме не застали? – Мельников мило улыбнулся и устроился в кресле напротив.

– В каком доме? У меня? Да не возвращался он сюда!

– Значит, он сразу вернулся к себе?

– Ну, конечно же! – облегченно всплеснула руками Лиса, явно возрадовавшись, что до следователя дошло очевидное.

В тот же миг я зашлась в жесточайшем приступе кашля, заставившем капитана досадливо нахмуриться.

– Алиса, дай Ане воды! – выразительно сказал сидевший где-то в углу Бубликов.

Едва она сделала движение, чтобы подняться, как Мельников отчеканил:

– Каравайкин, принеси даме воды!

Помощник, покушавшийся на бюст Иоганна Себастьяна, моментально вымелся вон. А мы с Мельниковым поглядели друг на друга. В колючих серых глазах капитана светился вызов. Я подумала, и предложение не приняла.

– А вы, Алиса Венедиктовна, ушли ещё до его прихода? Когда он вернулся?

– Ну да... То есть... Погодите! – очнулась, по счастью, Лиса. – Ниоткуда я не уходила! Я после вечеринки домой вернулась! Не видела я больше Самарина!

Не сводя глаз с Алискиного лица, капитан чуть заметно склонил голову набок. Губы его тронула сочувствующая улыбка... Мельников взял паузу... Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга, и в наступившей тишине вдруг громко и отчетливо затикали напольные часы. Сердце моё глухо бухнуло и, кажется, остановилось. Тут капитан шевельнулся и вздохнул. И его приятный, с лёгкой

хрипотцой голос сделался противным до невозможности:

– Видите ли, Алиса Венедиктовна... В спальне Самарина было найдено ваше платье. То самое, в котором вы были, как вы выражаетесь, на вечеринке... Следовательно... после вечеринки в его доме вы были. Его первый зам опознал платье по фотографии...

– Нет! – вытаращив глаза, Алиска аж подпрыгнула. – Вы ошибаетесь! Это платье его жены! Меня привёз шофёр и платье забрал! А я спать легла!

– ...а вернувшаяся сегодня вечером жена Самарина заявила, что видит платье первый раз в жизни... – словно не замечая Лисьих прыжков, монотонно продолжал Мельников. – Мало того, оно даже не подходит ей по размеру...

– Его подогнали по моей фигуре! Я же не виновата, что она толще...

– ...кровь, обнаруженная на платье, принадлежит Аркадию Борисовичу Самарину. – Я увидела, что Алискины глаза полезли из орбит, и она сделала рукой странный жест, словно пыталась заставить Мельникова замолчать. – Кроме того... – как ни в чём не бывало, продолжал следователь, – на столике были обнаружены бокалы с остатками шампанского...

Поскольку в этот момент я, словно зачарованная, не сводила глаз сдвигающихся в неспешном монологе губ капитана, то молча рухнувшая с дивана на пол подруга застала меня врасплох.

Несколько минут в гостиной царило нездоровое оживление. Я охнуть не успела, как подскочили Бубликов и Каравайкин. Подхватив подругу за руки и за ноги, они осторожно подняли её на диван. Глаза у Лисы были закрыты и я здорово перепугалась. Но тут неспешной переваливающейся походкой подошёл второй помощник Мельникова и, глянув вниз, снисходительно фыркнул:

– Обморок? Брызните водочкой, мигом очухается...

Сам Мельников продолжал сидеть в кресле, с удовольствием наблюдая результат трудов праведных.

Окинув его сердитым взглядом, я взяла со стола стакан, что принёс мне Каравайкин и, набрав в рот воды, сбрызнула лежащую в беспамятстве Лису. Мне была глубоко понятна степень возмущения, лишившая несчастную подругу чувств: сама нафантазировать она могла и покруче. Но получить такую заявку в собственный адрес...

– Она говорит правду, – предоставив Лису моим заботам, Бубликов развернулся к следователю. – Нам она сразу сказала, что платье забрал шофёр. Естественно, что он отнёс его владельцу... А шампанское... Утром она не рассказала вам, что Аркадий сам приехал сюда с шампанским и конфетами... А потом всё пропало... И конфеты, и шампанское... Бокалы кто-то вымыл и убрал. Мы считаем, что там были...

Вот тут-то я и показала, как умею кашлять. Я закашлялась

так, что едва не вывернулась наизнанку. Бубликов осёкся и вытаращился испуганно.

– Я слушаю вас, Антон Антонович, продолжайте! – злым голосом сказал Мельников и посмотрел на меня соответственно. – А у вас, Анна Алексеевна, что, проблемы со здоровьем? Если сейчас вы не в состоянии, то мы вполне можем побеседовать позднее... В моём кабинете.

Поняв, что не перенесу оказанной чести, я сделала одухотворенное лицо и, мило улыбнувшись, отхлебнула из стакана.

Произведенный мной шум, благотворно повлиял на ослабленную нервную систему Находки. Она шевельнулась и открыла глаза.

– Я этого не делала... – с трудом сглотнув, хрипло выдавила бедняжка. – Я его не убивала...

– Никто вас в этом... пока... – резко перебил Мельников, не переставая сверлить меня гневным взглядом, – не обвиняет. Я объяснил вам цель своего визита. В соответствии с предъявленным постановлением, я намерен произвести в вашем доме обыск! Оружие, наркотики имеются? – Я побоялась, что Лиса снова грохнетя в обморок. – Каравайкин, Блинов, – поднимаясь из кресла, скомандовал капитан, – приступайте!

Торопливо спрятав взгляд, я про себя злорадно усмехнулась. Пусть хоть Папу Римского найдут! Однако, словно прочитав мои мысли, Мельников шутовски всплеснул руками:

– Ах ты, боже мой! Про понятых-то мы совсем позабыли! Что же теперь делать? Соседей ваших посреди ночи поднимать? Ну да ладно! Может, своими силами обойдёмся? Шмелёва Анна Алексеевна и Бубликов Антон Антонович, попрошу вас быть понятыми во время обыска в доме Находки Алисы Венедиктовны! Вы готовы?

– Как олады на сковородке! – пробурчал помрачневший Бублик и отвернулся.

Мельников направился по лестнице наверх, мы гуськом потянулись следом. Алиса осталась в гостиной.

Бросив пару взглядов по сторонам, Блинов и Каравайкин взялись за дело. Старший ни к чему не касался, ходил, словно барин, сложив за спиной ручки, и разве что не насвистывал.

Я раньше и представить не могла, какое это нервное мероприятие – обыск! Дом у Лисы огромный, Блинов с Каравайкиным так и норовили разойтись подальше в разные стороны, а я, начитавшись в Интернете и насмотревшись телевизора, всеми силами старалась держать обоих в поле зрения. Мельникова со счетов тоже сбрасывать было нельзя, поскольку он хоть ничего в руки и не брал, но вполне мог чего-нибудь куда-нибудь подсунуть. Доказывай потом! Хорошо ещё что Бубликов, вопреки привычке в ответственные моменты дремать в сторонке, проявлял активность и вел себя весьма заинтересованно.

Однако довольно скоро я заметила, что, несмотря на бур-

ную деятельность, Блинов и Каравайкин не слишком внимательны. Меньше всего времени у них занял чердак, хотя размеры имел весьма приличные. Немного пошарив по мастерской и спальням на втором этаже, они спустились вниз. Мы, естественно следом. Оглядев прихожую и бильярдную, дружной толпой переместились на кухню, где скопом сунулись под раковину. Затем в пять голов заглянули в кладовку и, переставив пару вёдер, вернулись в гостиную.

В гостиной Блинов заглянул в камин, Каравайкин стёр рукавами пыль с книжных полок и потряс гардины. Мельников, не проявляя никакого интереса, оглядел висевшие на стенке фотографии.

– Так... – закончив разглядывать портрет Алискиной бабушки, протянул он, – какие у нас ещё имеются помещения?

– Подвал и гараж, – ничего не выражающим голосом отозвался Бубликов и устался в угол над камином.

Мельников умилительно оскалился:

– Что ж... Там и продолжим!

Подвал в Алискином доме соседствовал с гаражом. Обменявшись между собой парой знаков, ночные гости решили начать с подвала. По активности, с которой все трое ринулись тут в разные стороны, я поняла, что нежилые помещения почему-то интересуют их гораздо больше. Однако сы-

щицкая фортуна сегодня явно гостила в каком-то другом месте. Перебрав пустые ящики, банки с краской, старые чемоданы и прочее, не уместившееся на чердаке барахло, они перешли в гараж.

Чёрный Бубликов «Патриот», скромно приткнувшийся у левой стеночки, вызвал у сыщиков приступ активности. Которая, в свою очередь, вызвала в Бубликове приступ негодования.

– Эй! Эй! – раздраженно крикнул он резво ломанувшемуся внутрь салона Каравайкину. – Куда полез?! Это моя машина! Есть постановление на мою машину?

Рядом немедленно возник Блинов и, удивленно-радостно тараща глаза, принялся рассказывать, что произошла небольшая ошибочка, и они знать не знали, чья это машина. Пока он махал руками у нас перед носом, Каравайкин мигом обшарил салон своими длинными ручищами и вылез, улыбаясь, словно именинник:

– Прости, брат! Обмишурился!

Мельников, стоя возле дверей, наблюдал за происходящим с явным удовольствием, даже складывалось впечатление, что он сейчас выдаст помощникам по куску сахара.

Наконец им надоело валять дурака, они полазали немного по гаражу, а Мельников вдруг спросил:

– Анна Алексеевна! А почему вы сегодня ночью выехали в направлении города, но потом вернулись обратно?

От неожиданности я хмыкнула, безмерно подивившись,

откуда могли взяться у капитана подобные сведения. А капитан, не дав мне и рта раскрыть, продолжал:

– Вы ведь были на «Опеле»? Это не тот, что во дворе стоит? Машина Алисы Венедиктовны?

Поскольку ничего не оставалось, как кивать, именно это я и делала. Следователь удовлетворенно хмыкнул, распахнул дверь гаража и прямой наводкой двинул к «Опелю». Верные помощники кинулись следом.

Двухчасовой цирк под названием «обыск» явно близился к своему логическому завершению.

На Блинова и Каравайкина было жалко смотреть. От насмешливой дурашливости не осталось и следа. Даже если бы они вылизали Алискин «Опель» языком, лучше бы не стало ни на йоту: ничего криминальнее скребка для стёкол в машине не наблюдалось. Однако Мельников держался молодцом, и если и хмурил брови, то совсем чуть-чуть.

Бубликов, скромно приткнувшись возле забора, изображал, что дремлет. Я же, сложив руки кренделем, стояла рядом с капитаном, с превеликим трудом маскируя злорадную ухмылку.

Наконец опера сдались. Выбравшись из-под машины, Каравайкин, не глядя на командира, виновато буркнул:

– Чисто...

Малость переигрывая, Мельников бодро кивнул:

– Что ж... Бывает и так... Служба!

– Извиниться бы перед хозяйкой надо, – не удержавшись, капнула я ядом на дубленую следовательскую шкуру. – Как-никак в обморок человек бухнулся...

Капитан ухмыльнулся:

– Извиниться, конечно, надо... А заодно напомнить, чтобы далеко не уезжала...

И, развернувшись на каблуках, зашагал к дому.

Я засемила следом, судорожно ворочая извилинами. Исходя из его замечания следовало, что арестовывать Алиску сейчас капитан не будет. Выходит, платье, испачканное кровью убитого недостаточная на то улика? Или капитан это выдумал? Или не уверен, что платье Алискино?

Находка всё так же сидела на диване. Увидев нас, она испуганно сжалась.

На извинения у Мельникова не ушло много времени. Зато чрезвычайно долго и убедительно он просил Находку не покидать пределов означенного населенного пункта, подробно перечисляя возможные последствия. И выразил полнейшее убеждение в том, что они снова увидятся в самое ближайшее время.

– Мы договорились, Алиса Венедиктовна? – Та вытаращила глаза до размеров гусиного яйца и кивнула. – Вот и замечательно! – Казалось, капитан испытал величайшее облегчение. И вдруг с ходу переключился на меня. – Вы ведь

хотели в город ехать, Анна Алексеевна?

К такому повороту я не была готова. Поэтому замямлила что-то о бензине, но капитан неожиданно проявил настойчивость:

– Это пустяки... Мы подвезём, раз уж вам нужно...

Я хлопнула пару раз ртом. Сложившаяся ситуация явно не лезла ни в какие ворота. Однако, поразмыслив самую малость, решила с капитаном в американскую демократию не играть.

– Хорошо, – кивнула я, забирая свою сумку. Алискины глаза уже обещали разродиться страусом. – Я позвоню тебе завтра, Алиса!

И вышла вслед за капитаном.

Бубликов по-прежнему маялся возле «Опеля». Вероятно, он всерьез опасался, что помощники подсунут в машину то, чего так и не смогли найти. Но, похоже, Блинов и Каравайкин вели себя прилично. Они смирно сидели на скамейке и, вполголоса переговариваясь, курили. Их служебное рвение тоже имело определенные границы. Завидев нас с капитаном, шустро вскочили и запульнули окурки в клумбу.

– Заводить, товарищ капитан? – с надеждой глянул Каравайкин и, увидев кивок, мигом вымелся в калитку.

Я махнула ручкой Бублику и, мило улыбнувшись, осведомила:

– До завтра, Антон! Я позвоню! – и шагнула в калитку, любезно придерживаемую Блиновым.

Судя по звуку, донесшемуся с той стороны забора, Бубликов рухнул оземь. В какой-то степени я и сама разделяла изумление друга. Но Мельников уже ждал, распахнув дверцу машины. Покачав головой, я вздохнула и, подобрав полы, устроилась на переднем сидении бело-синего «Форда».

– Ну и какого чёрта ты попёрлась с ними? Ночью? Одна? – Я понимала, что Бублик этой ночью переволновался, поэтому простила ему некоторую излишнюю грубость. – И что, самой позвонить трудно?

Я сокрушенно вздохнула, демонстрируя лёгкое раскаяние и, прижав трубку к уху, снова бухнулась в подушки. Звонок меня разбудил и, соответственно, перепугал.

– Не шуми... Который час? – он ответил, я приоткрыла один глаз и покосилась на будильник. Похоже, не судьба моему шефу сегодня со мной свидеться. – Как Лиса?

– Дрыхнет, – в голосе Бубликова слышались обиженные нотки. – Я с ней до утра нянькался, глаз не сомкнул! Потом ей чаю приспичило, я полчаса на кухне возился, возвращаюсь, – она рулады на диване выводит!

– Ладно тебе! – рассмеялась я, представив состояние одноклассника, героическое поведение которого никто не торопился оценивать медалью. – Это у неё нервное! Не трогай её, пусть выспится.

– Я и не собирался, – буркнул он, вздыхая. Потом оживился: – Зачем всё-таки ты с ментами поехала?

Подтянув вверх подушку, я села на кровати.

– Да в первый момент я сама растерялась. Потом вдруг подумала: «Может он хочет что-нибудь рассказать?»

– И что? Рассказал?

– Не то, чтобы... – протянула я, соображая, как бы понятней передать впечатление, сложившееся от ночной поездки с операми. – Он стал спрашивать. Ну... что за человек Алиска? И всё такое... Понимаешь, у меня сложилось впечатление, что кто-то наплёл ему про неё всякое... Мол, коварная творческая натура, путает реалии с вымыслом... Я принялась объяснять, какая это чушь! Несусветная! Она с детства любила, конечно, поболтать, приврать при случае, но в итоге-то всегда говорила правду! Тем более что сейчас, когда стала картины писать, всю свою фантазию она в полотнах реализует. Не зря же её картины с руками рвут!

– И что следовательно?

– Что! – с досадой повторила я. – Слушал, слушал... Кивал, кивал... А потом спрашивает: «А вы сами-то верите во всё то, что она рассказывает?» И хмыкает! Я уж было хотела про колье ему рассказать, да вовремя опомнилась...

– Да уж! – с сарказмом, свойственным людям, указывающим на чужие ошибки, воскликнул мой собеседник. – Вот жалко, не рассказала! Мы бы уже втроём в кутузке сидели!

– Да ладно, – огрызнулась я, – ты тоже хорош! Лисе убий-

ство на шею вешают, а он доказывает, что она напилась шампанского, в котором были наркотики! Ты, вообще, чем ду- мал, когда про это начал?

Бубликов был вынужден согласиться, что немного пого- рячился.

– Да как этот Мельников про кровь на платье ляпнул, так я малость... Растерялся! – признался одноклассник. – Да ещё бокалы... Их что, сперли у Лисы и отнесли к Самарину?

– Он не сказал, что на них её отпечатки. Её бокалы на ме- сте, ты сам видел, она показывала! Мало ли, что там у Сама- рина в спальне!

Он с надеждой вздохнул:

– Может Мельников, и правда, Лису разводит? Решил на- удачу пугнуть? Хоть и заявился с определенной целью. Явно кто-то его навёл... Надеюсь, ты меня понимаешь?

Конечно, я его понимала. Будь следователь расторопней и нанеси свой визит чуть раньше, сидеть бы сейчас Лисе на полном гособеспечении. Только счастливая случайность, а точнее, моё упрямство, спасло подругу от неминуемой жир- ной точки в разыгравшейся драме. Впрочем, если возле уби- того бизнесмена действительно найдено платье, в котором была Лиса, а на бокале её пальцы, мало ей тоже не покажется. Тот, кто решился сыграть с ней в эту жестокую игру, потерял большой козырь, но как знать, какие ещё сюрпризы припа- сены в рукаве неизвестного фокусника?

– А как вчера... всё нормально... закончилось? – осто-

рожно поинтересовалась я, не решаясь в лоб спросить, куда Бубликов упрятал смертоносную игрушку.

Конечно, судя по результату обыска, с задачей он справился, но проблема всё равно тревожила.

– Не тебе передник, – снисходительно отозвался одноклассник, – фирма веников не вяжет...

– Бублик, это не шутки! – насторожилась я, встревожившись его чересчур легкомысленным тоном. – Надеюсь, ты сегодня оттуда не уедешь?

– Угу... Как раз уеду... Мысль у меня одна есть... – я только хотела вякнуть, но он меня опередил: – Я позвонил близнецам. Через пару часов они здесь будут. Им всё одно делать пока нечего, так пусть с нашей девушкой посидят...

Такая трезвость мышления не могла не заслуживать уважения. В настоящий момент трудно было подобрать для Лисы более подходящую компанию, чем братьев-кикбоксеров, всего лишь пару дней назад вернувшихся с очередных соревнований и пребывающих в праздном безделье. Правда, в присутствии близнецов было одно маленькое «но»... С другой стороны, Лисе не будет скучно.

Ощувив даже нечто вроде досады, что эта идея не пришла в мою светлую голову, я одобрительно покивала:

– Правильно! Им сейчас свежий воздух на пользу...

– Свежий воздух всем на пользу, – весьма резонно заметил Бублик, явно гордясь журналистской смекалкой. И, возомнив, вероятно, что теперь он тут самый умный, напом-

нил: – Не забудь заглянуть к Юрке...

Я вспомнила, что в моей сумочке всё ещё лежит та самая дурацкая пробка от шампанского и небрежно хмыкнула:

– И без журналистов скользко...

Договорившись встретиться в Рыбёшкино, как только позволят обстоятельства, мы распрощались.

Сладко потянувшись, я взъерошила растрепавшиеся за ночь волосы и задумчиво вперилась взглядом в противоположную стенку. Отважный солнечный лучик, пробившись сквозь щель задернутых занавесок, попал на уголок висящего эстампа и весёлым разноцветным пятном разлился по обоям. Я вздохнула. Неплохо было бы, если бы подобное озарение снизошло и на мои мозги, но в ближайшее время ничего подобного явно не предвиделось. Всё произошедшее в Рыбёшкино в сегодняшнем утреннем свете выглядело ещё непонятнее и запутаннее.

Полночная беседа в прыгающем по загородным ухабам бело-синем «Форде» капитана Мельникова поселила в душе тревогу и странное смятение. Его изложение дела выглядело далеко не так живописно как у Находки. Меж тем он весьма недвусмысленно дал понять, что не верит Алиске вовсе. Поскольку по имеющимся у него сведениям, она и убитый были в весьма близких отношениях.

– По вашей логике, капитан, – нервно хихикнула я, – некому больше кроме Алисы, предварительно съездив на многолюдную вечеринку, пристрелить Самарина в его же спальне?

А потом выпить шампанского, раздеться и, бросив платье в кровавую лужу, удалиться к себе? Голой она, что ли ушла?

Сидящий за рулём Мельников, внимательно следил за возникающими во тьме перед казенной машиной колдобинами. Судя по выражению лица, он полностью разделял мое мнение об абсурдности сложившейся ситуации. Выслушав мои доводы, сочувственно кивнул:

– Действительно, бред... – он запечалился, а сердце в моей груди радостно прыгнуло: может, он и правда, не имеет к Алиске претензий? Так, проверяет какую-нибудь дохленькую версию для очистки совести... Но, как довольно быстро выяснилось, очищать Мельникову было нечего – совести у него не было вовсе. Через пару секунд он качнул головой и издевательски хрюкнул: – Все умные стали! Начитаются книжек глупых – и туда же! Куда ни плюнь – сплошные Шерлоки Холмсы! Самарин и ваша подруга могли элементарно поссориться... Ревность, в конце концов! Тем более, у дамы с такой неуравновешенной психикой!

– Боже мой... – пролепетала я, едва ворочая от изумления языком. – Какой неуравновешенной? Какая ревность? Они были едва знакомы... – вот тут-то я и хотела брякнуть про колье, но вовремя опомнилась. В понимании капитана простая женская слабость будет выглядеть хорошим сдвигом по фазе. Или мотивом. – Я вам голову даю на отсечение, что никакого романа у них не было!

– Поберегите голову, Анна Алексеевна, чтоб я вас на сло-

ве не поймал! – не поворачиваясь, с усмешкой бросил Мельников. Сидевшие сзади Блинов и Каравайкин одобрительно захихикали. – Я вполне понимаю ваше желание выгородить подругу. И даже могу допустить, что она действительно не посвятила вас в некоторые свои секреты... На самом деле существование у Самарина любовницы – тайна Полишинеля! Об этом знали многие его подчиненные. А Эмма Самарина уехала в Италию вовсе не после ссоры с мужем как утверждает ваша подруга. Билеты, так же как места в гостинице были давно забронированы! И по показаниям прислуги Самарина практически никогда не ссорились...

Словно предоставив мне информацию для размышления, капитан напоследок снисходительно хмыкнул и умолк. Его боевые соратники всю оставшуюся часть дороги сидели как мышки и помалкивали. Я, понятное дело, тоже помалкивала, хотя кое о чём спросить язык чесался. Для чего капитан затеял эту поездку? Чтобы убедить, будто моя подруга тайно крутила роман с женатым соседом, а потом в припадке ревности его шлёпнула? Надеялся, что сболтну что-нибудь лишнее? Зачем рассказывать мне, что о любовнице Самарина все знали? А Эмма тоже знала? Тогда это ей сам бог велел...

Слова следователя абсолютно противоречили всему, что я знала об Алиске. Конечно, ей я верила. Как говорится, с ней я давно знакома, а этого следователя первый раз вижу... И я безуспешно ломала голову до самого города, причем не

столько об убийстве, сколько о коварных повадках полицейского.

Когда машина притормозила возле моего подъезда, капитан бросил через плечо:

– Блинов, проводи даму до квартиры...

По-моему, этим он своих товарищей разбудил. Блинов дёрнулся и, сонно моргая, безропотно двинул из тёплой машины в ночную прохладу. Кивнув на прощание головой, я мельком глянула на часы и последовала за оперативником. Близились утро.

Едва я успела почистить зубы, как на столе весело заверещал телефон.

– Шмелёва? – неодобрительно буркнула трубка в ответ на моё жизнерадостное «Алло?». – Вы всё ещё дома?

Дело дрянь... Руководство демонстративно напирает на официоз, значит, одним хихиканьем никак не отделаться.

Я разом поскучнела и заканючила:

– Олег Гаврилыч, я вам всё объясню... Так получилось... Нечаянно... Я не виновата...

Из трубки послышалось возмущенное шипение. Начальство, явно стараясь держаться парламентских выражений, интеллигентно выдохнуло:

– Исключительно аргументированное сообщение... – На

большее Гаврилыча не хватило, и он в сердцах гавкнул: – Ты, Анька, вообще когда-нибудь бываешь виновата? Что у тебя всегда, как у дитяти: «Не виновата! Больше не буду?» Тебе сколько лет?

Быстро сообразив, что служебно-воспитательное торнадо благополучно рассосалось, я обиженно отозвалась:

– Женщинам, между прочим, такие вопросы не задают! – И, не удержавшись, хихикнула, представив виновато заморгавшего Кусякина, которого меж собой мы ласково кликали Кусей. – И ты, Олег Гаврилыч, оставь привычку меня по утрам пугать! У меня от этого невроз развивается. А уж если ты забыл, сколько мне лет, загляни в моё личное дело!

Осознав всю глубину своих заблуждений, Кусякин примирительно хмыкнул:

– Кому утро, а кому белый день! Случилось что ли, чего? Я махнула рукой, хотя Куся этого, понятное дело, не увидел:

– Как-нибудь потом расскажу!

Он, кажется, обрадовался:

– Вот и ладно! Давай тогда махом собирайся и в контору на рысях! Ты мне нужна!

Предложение не произвело на меня положительного впечатления. Махом и на рысях после такой ночи – не для моей лошадки. Деликатно кашлянув, я выступила со встречным предложением:

– Может я сегодня... того? В отгуле?

Гаврилыч только ахнул:

– Нет, святые угодники, вы подумайте! У тебя совесть есть? У нас же сегодня переговоры! Ты что, забыла? Ты хочешь, чтобы я один к этим кровососам ехал?

Пожалуй, сегодня я гораздо больше нужна Кусякину, чем он мне. Этим стоило воспользоваться.

– Возьми с собой Беллу Игнатьевну...

Начальник вспылил:

– Ты бы мне ещё циркового пони присоветовала! Говорю, ты мне нужна, живо собирайся!

– Олег, я правда, так устала за последнее время... У меня вон уже пять отгулов скопилось и хоть бы...

– Я тебе ещё три дам, – решительно перебил мой предсмертный выдох Кусякин. И быстро добавил, – если всё удачно пройдёт!

За три отгула я ему хоть договор о ненападении с сомалийскими пиратами добуду. Я повеселела:

– Замётано! Через сорок минут буду! Так значит, три отгула?

– Два.

– Ты сказал: «Три!» Я слышала! Три!

– Нет, я сказал «Два!» Это тебе спросонья послышалось! – радостно ухмыльнулся коварный Кусякин. – Ну всё! Жду!

И дал отбой.

– Ну, Куся, – мстительно прошептала я, вешая трубку, – тогда я возьму их все! Разом!

Остаток дня пролетел столь стремительно, что я спохватилась глянуть время, лишь подъезжая к дому. Часы показывали «00:03». Я расплатилась с таксистом и вышла из машины.

В одном Кусякин был прав – в одиночку он бы сегодня не справился. И поскольку всё, как он сам выразился, прошло более чем удачно, отгулы я получила. Как он и сказал, два. Тогда, как и сказала, я взяла их разом. Получилась неделя.

– Эй, Анна Лексевна! – раздался позади мужской голос.

Я оглянулась. Следом за мной к подъезду шёл Юрка Лапкин, мой сосед... Я с облегчением перевела дух. Во-первых, на Юркином месте запросто мог быть какой-нибудь хулиган, а во-вторых, он-то мне и был нужен.

– На ловца и зверь бежит! – обрадовалась я. – Чего, припозднился, Юрий Алексеевич?

С соседом мы всегда были в прекрасных отношениях и помогали друг другу по мере возможности. Развитию наших добрососедских отношений весьма способствовал совершенный им года полтора назад важный шаг в жизни: он женился на своей бывшей однокласснице. Таким образом, в накладе не остались мы оба: он приобрёл прекрасную супругу, а я – подружку.

– Да вот, решил Светочку на пару недель к тётке в дерев-

ню отвезти. Пусть воздухом подышит, козьего молочка попьёт... – Я одобрительно закивала, поскольку знала, что молодая чета ожидает прибавления в семействе. А в подобном положении, чем ещё заниматься, как не пить козье молоко? – Заодно и Тайку туда сбагрил...

Тут на Юркином лице отразилось явное облегчение, и я не удержалась от смеха.

Таисия была его младшей сестрой, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Натура её была деятельна и кипуча и повседневная преснятина её никак не устраивала. Тайка обожала преодолевать непреодолимые преграды и искать приключения на одно, извините, мягкое место. Как правило, чужое и, чаще всего, Юркино. Но подлинным смыслом своей жизни Тайка считала сыск. С молодых ногтей решившая идти по стопам брата, в этом году она оканчивала юридическую академию и, подозреваю, готовилась стать не меньше, чем министром внутренних дел.

Мы не торопясь двинулись к подъезду. Юрка жаловался на неугомонную сестрицу, я вздыхала и сочувственно кивала. Однако не у него одного на этом свете были проблемы, на чём я и решила сделать акцент.

– Кхе-кхе! – вежливо кашлянула я в кулачок и, ловко прервав тем самым поток Юркиных излияний, торопливо встала, – да, Юра, и не говори! Кругом одни сплошные неприятности!

Я выразительно покачала головой и Лапкин, как честный

мент, не смог оставить жалобы населения без внимания.

– Чего скисла? Случилось, что ли чего?

– Да не то, чтобы... – я поняла, что наступил самый подходящий момент, чтобы кто-нибудь кроме нас озаботился проблемой Находки. – Но у меня просьба к тебе есть... – Юрка внимал. – Скажи, можно определить по пробке, было ли в бутылке что-нибудь... такое... ну, наркотики или вроде того... – На лице соседа не дрогнул ни единый мускул, однако где-то в глубине глаз словно зажгли потайной фонарик. – Если это было шампанское?

– А откуда у тебя эта пробка? А самой бутылки нет? – поинтересовался Юрка, распахивая передо мной дверь подъезда. – А откуда предположения о наличии посторонних веществ? Кто-то пострадал?

Этих вопросов я не ждала. Я готова была обсудить техническую сторону проблемы, однако Юрка как всегда полез в самую суть. Ну что, рассказывать всю эту дичь про Лисьего соседа?

– Юра, – прижав руки к сердцу, попросила я, – ты, пожалуйста, узнай, есть ли там хоть что-то, тогда я тебе всё расскажу... А то может ерунда чистая, даже неловко объяснять...

С ловкостью фокусника я выдернула из недр сумки полиэтиленовый пакетик и продемонстрировала на просвет. Говоря по совести, глядя на раскачивающийся перед Юркиным носом кулёк с пробкой, я почувствовала себя круглой иди-

откой. Вот жалко Бублика здесь нет...

Лапкин посмотрел на нас с пробкой внимательно. В какой-то момент показалось, что он пытается сообразить: не первое ли сегодня апреля?

«Сейчас пошлёт на фиг, – подумала я, – и будет прав...»

Поскольку мы уже добрались до нашего этажа, то остановились возле моей двери. Я как могла, пыталась придать лицу простодушное выражение, но сосед не поверил, и во взгляде появилась подозрительность:

– А ты когда с Тайкой последний раз виделась?

– Давно, Юрочка, давно! – торопливо выпалила я и сделала самое честное лицо, какое сумела.

Если он сейчас решит, что это Тайкины происки, то я ещё и пятнадцать суток могу схлопотать.

– Ну... – протянул, выдержав весьма солидную паузу, Лапкин, – ладно! Если уж тебе очень надо...

И перехватил пакетик, одновременно ещё раз заглянув мне в глаза, словно ожидал, что я передумаю.

– Спасибо, Юрий Алексеевич! – с облегчением выдохнула я. Избавившись от дурацкого поручения, я почувствовала себя гораздо лучше. С другой стороны, если Лапкин пробку всё-таки взял, может это и не так глупо? – Я тебе позвоню...

– Я сам позвоню... – хмыкнул сосед, качая головой и сам как видно, удивляясь своему поступку. – Спокойной ночи!

Раскисшая от прошедшего нынешней ночью ливня дорога заставила меня немного поволноваться, пока я топала по ней от остановки, но в итоге всё обошлось благополучно.

Улица Гараевская, где и располагался Алискин участок, была как всегда, тиха и безлюдна. Ничто не напоминало о произошедшей здесь трагедии, и каменные твердыни за высокими заборами были всё так же молчаливы и неприступны. И даже сверкающий золочёный рыцарь на черепичной башенке Самаринского особняка выглядел абсолютно бесстрастным.

– Сова, открывай! Медведь пришёл! – бодро сообщила я Алискиному переговорному устройству, услышав в динамике тихое, едва различимое «Кто там?» и надеясь хоть немного улучшить подруге настроение.

Когда утром я разговаривала с ней по телефону, то казалось, что другого пристанища, кроме смертного одра у неё уже нет.

Войдя во двор, я сразу увидела в окнах гостиной две прилипшие к стеклу любопытные физиономии. Близнецы.

– Привет! – на крыльце появилась печальная хозяйка и невыразительно махнула мне рукой.

Приветствие более походило на вялое встряхивание градусника, но сейчас от Лисы трудно было требовать большего.

Бледность и синева под глазами бедняжки говорили сами за себя. Едва ли она спала нынешней ночью. Что и гово-

ритель, Лисе было чем занять свои мозги, кроме как банальным сном.

Моё появление в гостиной было встречено радостным и весьма громким: «О-о-о-о!!!» Впрочем, всё, что делали близнецы, обрусевшие венгры уже в пятом или шестом поколении, было громким. По-моему, они уже родились басовитыми. Весельчаки, балагуры, неугомонные заводилы... Словом, душа любой компании. То есть, души...

– Витя-Митя! – заулыбалась я, кивая головой. Разбирать кто из них кто, можно было и не стараться. Всё равно не поймёшь. – Как жизнь молодая? Слышала, на последних соревнованиях вам налупили?

Витя и Митя разом поскучнели. Следовательно, слухи были верными.

Выступали близнецы в супертяжах, причем исключительно по очереди. Если один выходил на ринг, второй был секундантом. Говорят, что это сильно деморализовало соперников: работаешь-работаешь в ринге, оглянешься, – а вот опять он сидит, живой и здоровый, радостно скалится!

Меж собой братья всерьёз никогда не дрались, даже в детстве. Зато тыркались и дурачились постоянно, причем продолжали с усердием заниматься этим и по сей день. А поскольку весу в них было хорошо килограмм за сто, то о тишине в присутствии братьев Забалегра приходилось лишь мечтать.

Однако мой весьма ловко и своевременно поставленный

вопрос на некоторое время остудил пыл братьев. Поэтому приветственных похлопываний по плечу, от которых запросто можно кувыркнуться на пол и прочих фамильярностей удалось избежать.

– Чаю хочешь? Или кофе? – безо всякого выражения поинтересовалась хозяйка. Отметив мой кивок, вздохнула, – пошли на кухню...

Пока она возилась возле плиты, я присела к столу, размышляя, каким образом исправить подружке настроение. Выглядела она из рук вон плохо. Просто мороз пробирал по коже, наблюдая столь сосредоточенно молчащую Находку. Этак у неё нервное расстройство случится!

Меж тем на кухонные просторы, привлеченные, вероятно, запахом привезенного мной печенья, подозрительно бесшумно подтянулись братья. Несмотря на свои габариты, за столом они устроились тихо и совсем незаметно. Просто втекли как вода в дырочку.

– Алиска, ты чего журналиста нашего обижаешь? – я поняла, что пора, наконец, развеять эту нездоровую атмосферу. В конце концов, никто ещё не умер. То есть, почти никто... – Он пожаловался, что старался, полночи тебе чай заваривал, а ты его подвиг проигнорировала... Взяла и уснула...

Я даже улыбнулась, чтобы ни у кого не осталось сомнений, что я шучу. Однако подруга развеиваться, похоже, не желала.

– Чай? – в голосе её послышалось нечто, очень похожее на плохо скрываемое раздражение. – Он заваривал чай? Ты думаешь, что Бублик способен что-то заваривать? – Тут она возмущенно фыркнула, всплеснув руками. – Это был не чай! Это... какие-то... писи сиротки Хаси!

От неожиданности я неосмотрительно хихикнула. И в следующий миг мой жалкий писк потонул в грохоте лошадиного ржания, сотрясшего кухню. Дрогнули стекла. Я с перепуга подпрыгнула. Притаившиеся на том конце стола близнецы оценили Алискино сравнение.

Хозяйку это только разозлило.

– Ну, опять затряслись! – раздраженно прошипела она, глядя на хохочущих мужиков.

– Ладно тебе, Лиса, – прилагая усилия, чтобы не присоединиться к братьям, примирительно сказала я. – Хватит! Возьми себя в руки, чего ты злишься? Нельзя же всё время думать об... этом...

– Думать об этом? – вдруг оборвала она меня. – Да у меня секунды свободной нет, чтобы спокойно подумать! Только я присяду на мгновенье, как начинается! Этот болван Бублик, когда вчера уезжал, сказал, что мне нельзя давать скучать! И, поверь мне, они не дают! Если не спят, то рассказывают анекдоты... Потом – то есть, то пить, то... ещё что-нибудь! В бильярдной повесили боксёрскую грушу, и вчера целый день по очереди обучали меня приёмам самообороны! Я так устала, что уже завидую Самарину...

– Да ладно, Алиска! – прислушавшись к страстному монологу, протянул один из близнецов. – А чего ещё делать? – И повернулся ко мне, словно ища поддержки. – Не слушать же, как она на пианине своём пиликает? Тоска с души вон! А так хоть польза! Правда, Анька?

И братья озорно переглянулись и захохотали снова. Алиска посмотрела на меня с выражением и, качая головой, едва слышно вздохнула:

– Ну хоть бы какая-нибудь ручка громкости у них была!

Прислушиваясь к дребезжавшему от молодецкого баса плафону люстры, я задумчиво почесала в затылке. Пожалуй, и правда, если не найти достойного противоядия активности близнецов, спокойно поговорить можно будет лишь запершись в туалете... Обведя взглядом кухню, я поняла, что способ деморализовать лучшую половину человечества всё же есть...

Я живо поднялась, сунула свою чашку в раковину и, вытащив из-за крайней тумбы веник и совок, повернулась к активно хрумкающим молодым людям. К слову сказать, привезенное мной печенье кончилось быстрее, чем я успела до него дотянуться. И мне не досталось ни единого кусочка, если не считать того, которым братья жонглировали, после чего он упал в мой чай.

– Витя-Митя! – коварно улыбаясь, позвала я. – Вас ведь Бублик просил об Алиске позаботиться? И чтобы ни один волос с её головы не упал? – Почуяв подвох, братья заволновались и даже перестали жевать. Однако дружно кивнули. Честность было отличительной чертой братьев Забалегра. Я переступила с ноги на ногу и под подошвами громко захрустели крошки рассыпанного печенья. – Так вот: когда она сама посуду моет или пол подметает, то волосы с неё прямо клоками лезут... Придётся вам временно брать всё хозяйство в свои нежные мужские ручки! Витя моет посуду, а Митя пол... Или наоборот.

Несмотря на то, что братья Забалегра обожали валять дурака, надо признать, сами дураками они вовсе не были. И когда хотели, то вели себя вполне разумно и благовоспитанно. Самое главное, чтобы они этого захотели. Похоже, сейчас братья решили, что настал именно такой момент. Иной раз просто удивительно, какую синхронность могут проявлять близнецы!

– Конечно, Анечка, конечно! – они уже так дружно пятились к дверям, что я решила, что они там непременно столкнутся и застрянут. – Только минут через десять... Пятнадцать... У нас сейчас как раз время тренировки... А потом...

Ласково кивая, я проводила их взглядом. Скользя из кухни, как мыло из-под мокрой пятки, братья исчезли в направлении бильярдной и даже закрыли за собой дверь.

– Сильна! – с уважением сказала Лиса. – Я-то решила,

что нет силы, чтобы их заткнуть, а уж чтоб из помещения убрать...

– Я на Бублике тренировалась, – скромно улыбнувшись, ответила я.

Быстренько прибравшись, мы устроились возле распахнутого окошка. Со стороны бильярдной, располагавшейся в пристроенной позади дома веранде, доносились глухие звуки ударов. Это братья терзали боксерскую грушу. Значит, минут сорок вполне можно посидеть спокойно.

– Ну что, ещё звонки были? – спросила я, невольно понижая голос. Когда утром мы говорили по телефону, Лиса сказала, что вчера в течение дня кто-то несколько раз звонил. Однако, согласно наказу Бубликова, трубку снимали братья, и неизвестный абонент не спешил подавать голос. – Думаешь, это... те? Друзья?

Подружка выразительно вздохнула:

– Кто их знает? Может и те... Молчат же, черти! Анька, а с Мельниковым вы про что говорили? От Бублика я никакого толка не добилась...

Я замешкалась, соображая, в какой форме поведать умозаклучения следователя, чтобы не очень её разозлить. Начать пришлось издалека:

– Кстати, а куда наш журналюга намылился?

– Сказал, хочет разузнать, чем Самарин занимался. И, вообще, откуда у всей этой истории ноги растут. Сказал, что позвонит.

– Звонил?

– Нет. Ноги, наверное, очень длинные.

Мы совместно запечалились. Нет ничего хуже на свете, чем ждать и пребывать в неведении.

– А сам Мельников проявлялся? – Находка отрицательно качнула головой. Я немного помялась и, с величайшим трудом подбирая слова, исподлобья глянула на подругу. – Алиска... Кх-м! А ты и в самом деле не знала Самарина... раньше? Ну, я имею в виду до того, как вы встретились возле пруда?

Алиска уставилась на меня в изумлении и едва не хрюкнула.

– Ты, Жужу, с дуба рухнула? Я вам что, врать буду? – Теперь она смотрела на меня с негодованием, словно враньё было тем, чем она не занималась ни разу в жизни. – Я бы тебе что, сразу не рассказала?

Аргумент был весомый. Она и в самом деле сразу рассказала, что познакомилась с соседом, который буквально умолил её писать портреты... Будь там хоть какой-нибудь намёк на роман, я бы услышала историю о том, что в первый же вечер он сделал ей предложение руки и сердца, а всю оставшуюся ночь ползал под окнами, умоляя выглянуть хоть на миг и озарить светлым ликом беспросветную мглу... Однако при упоминаниях об Аркадии этого и в помине не было... Но и про «Путь Бога» она ведь рта не раскрыла! И как знать, услышали бы мы об этом, если б не случившаяся трагедия?

Всё это странно! Алиска и тайны... Это две вещи несовместимые... Нельзя хранить порох рядом с огнём.

Итак, Алиска продолжала сверлить на меня возмущённым взглядом, хмурия брови и обиженно кривя губы. Я опомнилась.

– Извини, я не это хотела сказать! Просто Мельников... – Насколько смогла, смягчив, я передала ей суть нашего разговора с капитаном. Волосы на голове у подруги встали почти что дыбом. – Вот я и хотела уточнить... Может когда-нибудь... Где-нибудь... В смысле, с чего он это взял?

– С чего он это взял? – словно эхо повторила Лиса, бессмысленно таращась мне в лицо. – Да я и в голове... Даже в мыслях... Давно? Тайна Полишинеля? Аркадий попросил меня пойти на вечеринку три дня назад! При чём тут его сотрудники!?

Она вскочила и забегала по кухне, раздраженно бормоча и всплескивая руками. Потом резко остановилась и, развернувшись всем корпусом, глянула в упор:

– А какой болван, интересно, сказал Мельникову, что я сумасшедшая?

Я чистосердечно пожала плечами. Мне и самой было любопытно, с кем из знакомых успел переговорить оборотистый следователь.

Алиска явно мало-помалу заводилась:

– И что же это: у такого крутого бизнесмена такая недоделанная любовница? Мало того, что не в себе, к тому же един-

ственная, кто не в курсе, что связь у них интимная, крепкая и давняя... Вот это мне нравится больше всего! – Она хмыкнула и, уперев руки в боки, свирепо огляделась. – Выходит, если я не знаю такой малости, то могу и не знать, что это я его убила? Почему нет?

– Алиса! – пытаюсь придать голосу оттенок здравомыслия, прервала я. – Не время для истерик! Сейчас следует поразмыслить и сделать что-нибудь путное...

– Правильно! – вдруг обрадовалась Находка, вскидывая указательный палец. – Пора, наконец, сделать хоть что-нибудь!

И, махнув мне рукой, решительно двинула к выходу.

Оглянувшись в некотором сомнении на крыльцо, я снова предложила:

– Лиса, давай всё-таки скажем близнецам? Если они нас хватятся, то с ума сойдут! Вы с Бубликом хоть объяснили им суть проблемы?

– Ты что! – Живо семена по дорожке к воротам, отмахнулась подруга. – наших венгров не знаешь? Они бы быстро запихали меня на чердак и заняли круговую оборону! Бублик им сказал, так мол, просто привязался ухажёр, достает звонками. Мол, появится чужой на участке – надаёте по шеям!

– Господи, – заволновалась я, – а если почтальон вдруг зайдёт? Они ж ему ноги повыдергают!

– Не повыдергают! У нас бабуля древняя почту разносит, у неё ноги сами отваливаются.

Это немного успокаивало, хотя я всё равно считала нужным известить братьев, о том, что мы решили выйти из дому. Не особенно далеко, конечно, но лично мне было бы спокойней. Объяснять, что Лисе внезапно стукнуло в башку объясниться с вдовой убитого бизнесмена, было бы не обязательно. Просто сказали бы, что к соседке...

Пока я мучилась сомнениями, Лиса уже очутилась за воротами. Похоже, известие о давней амурной связи с Аркадием, как громом поразив, вывело подругу из слезливой меланхолии, и теперь Алиску обуревала жажда действий. Стараясь не отставать, я на ходу размышляла, хорошо это или плохо. Всё же стоило помнить, что излишняя активность иногда ничем не лучше полного бездействия.

Участок, которым владели Самарины, был угловым и располагался на пересечении улиц Гараевской и Южной. Образовавшийся перекрёсток со всех сторон закрывали глухие ограды, а в самом центре была разбита трёхъярусная клумба, здорово напоминающая египетскую пирамиду и, вероятно, символизирующая круговое движение. Всё вместе это выглядело несколько диковато.

Размерами владения Самариных раз в десять превосходили Алискины и каменная ограда, украшенная сверху метал-

лическими пиками, тянулась на весьма приличное расстояние. Чтобы добраться до намеченной цели, нам предстояло пройти ещё мимо трёх участков и, в общей сложности, преодолеть метров семьсот. А поскольку я вовсе не была уверена, что пришедшая подруге в голову идея настолько удачна, что непременно нужно воплощать её в жизнь, то попыталась использовать необходимое на дорогу время, чтобы Находку отговорить. Но всё было тщетно.

– Вон их ворота, – зашипела она, чуть притормаживая и цепляя меня под локоток. – Видишь, женщина оттуда выходит? У них работает, убирается... Я её видела, она здесь рядом в деревне живёт... Сейчас спросим, дома Эмма или нет...

И видя, что домработница вот-вот скроется за поворотом, прибавила скорости. К моменту, когда мы её все-таки нагнали, я уже запыхалась.

– Здравствуйте! – гаркнула ей в спину Алиска.

Женщина оглянулась и, разглядев нас, удивленно приподняла брови:

– Здравствуйте...

Находку она явно не признала. Та быстро это сообразила:

– Я живу здесь по соседству... – и махнула рукой в сторону своего дома. – Я художница, я писала портрет Аркадия Борисовича...

Не знаю, была ли домработница в курсе, но, услышав имя хозяина, понятливо кивнула. Поставила на землю сумку, ко-

торуую держала в руках, и, поправив накиннутый на плечи пёстрый платок, перебила:

– Да разве ж вы не знаете...

– Знаю, знаю! – закивала Алиска. – Но я хотела поговорить с женой... С Эммой Леонидовной...

Домработница в сомнении покачала головой:

– Ой, ну даже не знаю... Хозяйка без доклада не принимает! Теперь она совсем не в духе... Вернулась мрачнее тучи! Известное, конечно, дело... Такое несчастье! Аркадий Борисович, он... – тут она всхлипнула, и торопливо промокнула глаз концом платочка.

– Это вы его нашли? – участливо спросила я, сочувствующе качая головой. – Вот ведь ужас, не приведи господи...

– Да, – согласно закивала женщина, – ужас, как есть ужас! Пришла с утра, как всегда... Полы внизу подтёрла. Хозяин-то рано вставал... А тут нет и нет! Поднялась наверх, а там! – Она закрыла лицо ладонью, словно отгоняя воспоминания. – И как рука людская такое зверство сотворить могла?

Находка зябко сцепила под грудью руки и негромко поддакнула:

– Ваша правда... В жизни больше не хотела бы видеть ничего подобного!

Женщина убрала ладонь, взглянула на Алиску с интересом. Именно этого та и дожидалась:

– Да, я там была в то утро! Следователь попросил... опознать...

Это обстоятельство немного умаляло роль домработницы в произошедшем, однако совместное участие моральное объединяло, давая хороший повод обменяться впечатлениями, недоступными всем прочим непосвященным. У обеих не ушло много времени, чтобы сделать подобный вывод и уже через пару минут они с завидной энергией описывали друг другу свои переживания. Я скромным столбиком торчала в сторонке, переминаясь с ноги на ногу и по мере необходимости испуганно охая. Надо признать, что в этот раз в изложение своих впечатлений Находка вложила столько страсти, что у меня просто кровь стыла в жилах от кровавых душевраздирающих подробностей. Что ни делай, а мастерство, как говорится, не пропьёшь!

Меж тем я начала украдкой поглядывать на часы. У близнецов заканчивалось время тренировки. А когда оно закончится совсем нам точно лучше быть дома. Лису видимо тоже беспокоили эти соображения. Ловко повернув разговор в нужном направлении, она попросила:

– Клавдия Степановна! Может, вы про нас... доложите?

Но домработница отчаянно замахала руками:

– Ой, нет, миленькая, и не проси! И так мне от неё нагорело! Хозяйка всегда то... – она, видно, хотела сказать «стерва», но передумала. – Не дай бог, не там ступишь, – ругается! Охрану теперь и ту, чуть что разгоняет! Так что лишний раз, не обессудь, на глаза не полезу...

Лиса давить не стала. Покладисто кивнув, развела руками:

– Ну ладно! В следующий раз!

Клавдия Степановна обрадовалась и, попрощавшись, направилась восвояси. Проводив её взглядом, Находка подождала, пока та скроется за углом и хмыкнула:

– Ладно, шиш с ней, обойдёмся без церемоний! – И, вернувшись к калитке вдовы, прогнусавила: – Пудинг – это Алиса! Алиса! Это пудинг!

Массивные ворота с размашистыми коваными вензелями «САБ» смотрелись вызывающе роскошно. Рядом была калитка, уже без вензелей, со смотровой щелью и блестящей чёрной кнопкой звонка.

– Что вам нужно? – услышали мы через пару минут после того, как Алиска поусердствовала с электрикой.

Женский голос, раздавшийся из невидимого динамика, звучал раздраженно, и даже самый большой оптимист едва ли назвал бы его приветливым.

– Эмма Леонидовна, это Алиса Находка... Я писала портрет вашего мужа. Я хотела бы с вами поговорить!

Невидимая нашему глазу Эмма Леонидовна молчала довольно долго. Мы с Алиской переглядывались, стараясь угадать, чем так озадачили новоиспеченную вдову.

– Может ещё раз звякнуть? – тихо спросила подружка, но в тот же самый миг динамик снова ожил:

– Проходите...

В калитке что-то щёлкнуло. Мы зашли во двор, пересекли ухоженную зеленую лужайку с фонтанчиком и поднялись на крыльцо белого трехэтажного дома с огромной открытой верандой. Впрочем, слово «крыльцо» к мраморным ступеням и колоннам не очень подходило.

Дверь открылась. Я ожидала увидеть тощую блондинистую гримзу, однако в дверном проёме показалась невысокая темная шатенка в сером шелковом платье. Она была весьма недурно сложена, и небольшая, может быть, чуть излишняя полнота ей очень шла. Словом, Эмма мне понравилась, однако, стоило лишь увидеть выражение её темно-зеленых, чуть раскосых глаз, как мнение моё изменилось.

Ткнув коротким жестом на стоящие в холле кресла, хозяйка прошла к расположенному в углу огромному камину чёрного камня. Развернулась и, сцепив под грудью руки, склонила набок голову.

– Зачем вы пришли? – Эмма прошила нас взглядом, как рентгеновским лучом. Я забеспокоилась, что она разглядит мой завтрак. – Что вам *ещё* нужно?

Вот это «ещё» мне и не понравилось. Ещё – это уже после чего-то. Я было подумала, что вдова бизнесмена не слишком удачно выражает свои мысли, но Эмма быстро расставила все точки над «і».

– Приношу вам свои соболезнования... – не слишком уверенно начала явно смешавшаяся Лиса. – Аркадий Борисо-

вич... заказывал мне ваши портреты... Если помните, я была здесь у вас... Так вот... После всего этого... То есть, после случившегося... Знаете, это звучит, конечно, нелепо...

Громко хмыкнув, вдова вдруг резко дёрнула плечами и развела руки в стороны. Алиска хапнула ртом и, заморгав, умолкла.

– Помню ли я! – шагнув, воскликнула Самарина. В голосе вдовы зазвучали верные признаки приближающейся истерики. – А разве я могу это забыть? Ты дала мне это забыть!? С какими глазами ты явилась в этот дом!? Ты, шлюха проклятая!?

Придав, не без усилия, глазам нормальный размер, Находка дипломатично кашлянула:

– Эмма Леонидовна! Могу я просить вас изъясняться более внятно? Я вижу вас второй раз в жизни, а подобные упреки ставят меня в тупик.

Я покосилась на подружку с уважением. Я бы в подобной ситуации таких слов ни за что не вспомнила!

– Да я бы вовсе тебя не знала и была бы рада! – Ноздри женщины воинственно дрогнули и глаза недобро сверкнули. Она сделала ещё шаг в нашу сторону, и Алиска, а за ней и я, сочли за лучшее из кресел подняться. – погоди, это не сойдёт тебе с рук! Дрянь! Дрянь... Ты жизнь мою разрушила и, поверь, за это заплатишь!

Слова хлынули из Эммы, как бурлящая лава из кратера. Голос звенел всё громче, словно из тонких ручьёв слива-

лась раскаленная мутная река. Захлёбываясь, вдова потрясала кулачками и, притоптывая в такт ножками в элегантных туфельках, яростно выплевывала оскорбления. Зрелище было не для слабонервных, и если бы я не была в курсе происходящего, то наверняка бы поверила, что Лиса ей здорово досадила. Пожалуй, я не ошиблась, сочтя идею сего визита несколько легкомысленным. Самое время было подумать о его завершении.

Меж тем вдова немного выдохлась и взяла паузу. С трудом пришедшая в себя Алиска не преминула этим воспользоваться:

– Не знаю, кто сказал вам подобную глупость, но между мной и вашим мужем никогда ничего не было! Я всего лишь согласилась ему помочь! И пришла сюда именно для того, чтобы...

Заслышав голос Лисы, Эмма неожиданно успокоилась и задышала ровно. На губах заиграла странная улыбка.

– Ну надо же, сколько благородства! – насмешливо хмыкнула она. Потом повернулась и, шагнув к каминной полке, вытащила что-то из стоявшей там костяной шкатулки. – А на это что скажешь?

И, живо процокав в нашу сторону, бросила на стоящий рядом журнальный столик снимок поляроида. Пока мы с Лисой переглядывались, вдова снова вернулась в угол и застыла, зябко переплетя руки.

Я взяла в руки снимок и... опешила. Косясь одним глазом

на неприятеля, Лиса тоже взглянула. И ойкнула.

С фотографии, кокетливо улыбаясь, на нас глядела Алиска. Она оглядывалась через плечо, сидя к фотографу почти в три четверти, и видны были лишь её голова и плечи. Жемчужные зубки и шаловливый завиток за ушком... Портрет великолепный, именно это я бы и сказала, если не одно маленькое «но». Хотя, если учесть из чьих рук мы получили снимок, маленькое «но» превращалось в большое, просто огромное, размерами с небоскреб... Алиска, мягко говоря, была неодета. Даже при самом тщательном рассмотрении плечи подружки оставались голыми, как осиновая ветка на Рождество.

Совладав с первичным шоком, я рассмотрела то, что виделось на заднем плане. Это явно Алискина мастерская, причем в объектив ещё попала часть портрета Аркадия Самарина, торчащие из-за мольберта рулоны, несколько полок с банками и какая-то пёстрая тряпка, которую я в первый момент приняла за занавеску.

– А вот это... – я оглянулась, и увидела Эмму, держащую в руках какой-то цветной куль. Видно, пока мы таращились на Алискины прелести, она куда-то выходила. – Та самая рубашка... Его любимая рубашка...

И швырнула то, что держала, на тот же столик. Это и в самом деле оказалась яркая «гавайка» безумного красно-оранжевого цвета, пересыпанного черным горошком и губастыми негрityтами.

Мне всё же понадобилось несколько секунд, чтобы понять, чего добивается вдова. Всё оказалось до неприличия просто: пёстрая занавеска на фото была вовсе не занавеской. Это в зеркале, что висело на стенке Алискиной мастерской, отразились полы одежды горе-фотографа. Который, как не крути, находился внутри именно этой самой «любимой «гавайки»... Можно было бы, конечно, поискать в округе ещё одну такую же рубашку, но, приходилось признать, что найти будет трудно. Как говорится, попробовать отпереться можно, но вряд ли получится!

– Послушайте... – враз охрипшим голосом начала Алиска, – я вам всё объясню... Это не то, о чем вы думаете...

– Да!?! – Вдова рассмеялась так, словно закаркала на погосте ворона. У меня даже мурашки побежали. – Чёртова лгунья, не тебе судить, о чём мне думать! Убирайтесь отсюда вон! Иначе я вызову охрану! Я сейчас... позвоню следователю!

– Эмма Леонидовна! – сделала ещё одну попытку Лиса, но хозяйка, набрав полную грудь воздуха, заорала:

– Вон!!!

Честно скажу, покинув вражеские пределы, я почувствовала себя гораздо лучше. Даже плохо помню, как мы шли через лужайку. Не то, чтобы я испугалась угрозы вызвать охрану.

ну, но... Всё произошедшее было до того дико и нелепо, что я никак не могла прийти в себя. Представляю, что чувствовала Лиса!

Улица как всегда была пуста. Не говоря друг другу ни слова, мы направились к дому. Алиска угрюмо смотрела под ноги. Я тоже глянула вниз и от неожиданности ойкнула.

– Господи, я всё-таки её стырила!

В руке я комкала золотистую бумажную визитку с витыми загогулинами. Они в точности повторяли кованую роскошь ворот Самариных. Ещё при входе в дом я заметила на стене холла фирменный календарь с теми же буквами. Внизу шла мелкая строчка электронного адреса, но разглядеть её в тех обстоятельствах не получилось. А у противоположной стенки стоял наборный полированный столик с подсвечником и огромной вазой живых цветов. В подставке подсвечника в беспорядке валялись визитки. Краем глаза я разглядела на одной знакомые уже завитушки...

– Не помню даже – когда! – Я растерянно вытаращилась на подружку. – Ей-богу! Помню, подумала, что неплохо бы узнать, чем же всё-таки занимался Самарин...

Алиска остановилась и, забирая у меня визитку, меланхолично покивала:

– Бывает! Я вон тоже мужика грохнула, а ни хрена не помню!

Я всплеснула руками:

– Перестань забивать себе голову чепухой!

– Ничем я её не забиваю... – вяло отозвалась Находка. – Просто всё это настолько глупо, что слов нет! Идиотизм чистой воды и я же должна оправдываться!

– Знаешь, надо было настоять, чтобы Эмма объяснила, кто ей сказал про вас с Самариным. Кто-то же вбил ей это в голову? И снимок подсунул? Это ведь из тех, когда он тебя в колье фотографировал?

Она снова кивнула и усмехнулась:

– Да она могла сама найти! В столе любимого покойного мужа! Ты бы что решила, если б такую плюшку у супруга обнаружила? И надо же было этому болвану, царство ему небесное, так исхитриться! Нарочно будешь стараться, второй раз так не сфотографируешь!

Почесав в затылке, я на всякий случай деликатно удостоверилась:

– Ты там на самом деле... не голяком?

– Каким «голяком»! – словно солома полыхнула Лиса. – В платье, будь оно трижды неладно, там декольте под самое никуда!

– А почему у неё только один снимок? Где остальные?

Она пожалала плечами и задумалась:

– Может Аркадий только его оставил? Как самый эротичный?

Конечно, могло быть всё, что угодно. Мужчин вообще сложно понять, а уж с этими богатыми бизнесменами никогда ничего нельзя знать заранее!

– Молчи уж, фотомодель фигова! – хрюкнула я, качая головой, и пнула попавшийся под ноги камешек. – Вот отдаст Эмма этот снимок Мельникову, тогда что? В жизни не отмажешься!

Подруга собралась было ответить, но неожиданно прищурилась и приложила ладонь ко лбу:

– Глянь-ка, Жужу, а что там впереди?

Я проделала с ладонью ту же операцию и, старательно вглядываясь вдаль, уточнила:

– Ты про ту чёрную тачку или про свою крышу?

– Крышу? – удивилась Лиса и, переведя взгляд чуть выше и левее, громко охнула: – Мать родная, да там же близнец! Один...

На крыше Алискиного дома и в самом деле стоял кто-то из близнецов, проделывая то же, что и мы: оглядывая окрестности на манер Ильи Муромца.

– Нам кранты... – дрогнувшим голосом сообщила подруга и была чертовски права.

Не успели мы сделать и шагу, как Алискина калитка распахнулась и на улицу вылетела недостающая часть братьев Забалегра, причём в явно прескверном расположении духа.

Похоже, Бублик немного переусердствовал, представив братьям неведомого Алискиного поклонника не иначе, как

последним подлецом даже среди маньяков и садистов. За отлучку без предупреждения нам здорово нагорело, хотя, видит бог, моей вины тут не было вовсе. Тем не менее, получили мы поровну. Если бы сам журналюга присутствовал, то непременно б остался доволен.

Но Бублик словно в воду канул. Телефоны его молчали, а в редакции вреднючая секретарша монотонным скрипучим голосом сотый раз сообщала, что Антон Антонович находится в служебной командировке, а посторонним лицам давать координаты сотрудников строжайше запрещено.

– Вот морда! – тихо плевала в сторонку Алиска, вешая телефонную трубку и бросая косой взгляд на азартно колошматящих грушу близнецов. – Мне теперь тут до смерти сидеть?

Так прошло трое суток. Каждый день, с точностью курьерского поезда в двенадцать, в три, и в шесть звонил телефон. Трубку брал кто-то из братьев, однако, на суровое молодецкое: «Вас слушают!» отвечать никто не спешил.

– Может мне самой подойти? – наконец робко предложила хозяйка. – Вдруг это что-то... конфиденциальное?

– Нет, – категорично мотнул головой близнец, – Антон сказал: «Ни в коем случае!» Ведь этот козёл говорит тебе по телефону разные гадости? Не беспокойся, если он только подаст голос, я найду, что ему ответить!

На этот предмет мы ни секунды не беспокоились. Но на счёт того, что неизвестные решат беседовать с братьями,

сильно сомневались.

На исходе третьего дня нам с Лисой удалось уединиться на веранде. От монотонного безделья бдительность братьев немного притупилась и они стали позволять себе повалиться на диване перед телевизором или зависнуть у компьютера.

– Как надоело всё... – тихо вздохнула Лиса, бросая тоскливый взгляд за окошко. – Может там уже во всём разобрались, а нам забыли сообщить? И Мельников больше не объявлялся, и подписки о невыезде с меня никто не брал! Протокола об обыске – и того нету! Давай съездим ну хоть куда-нибудь? – Она посмотрела на меня с надеждой, словно от меня тут много зависело: – И в магазин уже пора, хлеб закончился...

Это было чистой правдой. В конце концов, меня охранять и вовсе ни к чему! Конечно, отгулы я взяла именно из-за Алиски и для того, чтобы быть с ней рядом, но если Бублик не появится ещё месяц, так и помирать тут в девках?

– Правильно! – решительно сказала я. – Хватит торчать на периферии! Это всегда разлагающе действовало на тонкую психику русской интеллигенции! К тому же, полагаться на такого безответственного субъекта как Бубликов недалеко видно. Я считаю, нужно съездить по этому адресу, – я ткнула пальцем в украденную у вдовы визитку, – и поговорить с кем-нибудь из сотрудников... – я прищурилась, – «Ор-мит-с... стэт... кор-по-рейшн»... Господи, чем они могут заниматься с таким названием?

Лиса нахмурилась:

– Поговорить с кем, например?

– Ну-у... Ты же видела охранников... Змеёныша? Ты его узнаешь?

Она побарабанила пальчиками по подоконнику, потом кивнула:

– Думаю, да!

– Хорошо! – обрадовалась я. – Он посадил тебя в машину, значит, должен знать шофёра. Самое главное, чтобы тот подтвердил, что забрал у тебя платье и отнёс в дом Самари-на... Возможно, он даже скажет, кому его передал.

– А вдруг Эмме? – оживилась Лиса и глаза её знакомо блеснули. – И тогда она...

– Не мечтай! – оборвала я. – Во-первых, Эмма прилетела из Италии на следующий день. Во-вторых, платье всё равно не её. Эмма ниже тебя и полнее. Она бы подолом пол мела, если б в платье влезла!

Находка, как и все женщины, была неисправима. Приняв мои слова за комплемент, пару минут она молча светилась, словно лампочка в абажуре. Но вот наконец глупые мысли покинули её голову и она призадумалась.

– Погоди, Анька... Выходит... Он купил платье специально для меня? – она вытаращила глаза. Всё-таки прошло меньше недели, прежде чем эта немудрёная мысль утвердилась в Алискиной черепушке. – Заранее? Ещё когда не знал, что Эмма с ним не пойдёт?

Я кивнула.

– То есть, вроде бы... мы с ним заранее договорились? – Я кивнула снова и подруга с чувством покачала головой: – Вот ведь сволочь! Как всё заранее предугадал?!

А вот это, исходя из того, где был сейчас бизнесмен, на мой взгляд, было спорное утверждение.

На вполне недвусмысленный намёк, что нам с Алиской до смерти надоело сидеть в Рыбёшкино, близнец в синих тренировочных брюках незамедлительно отозвался аккуратно сложенным кукишем:

– Антон же ясно сказал: «Пока я не вернусь!» Он мужик, ему виднее!

Я ничего не ответила, однако мысль всыпать Бублику лошадиную дозу слабительного как только он в следующий раз явится ко мне обедать, прочно засела в голове.

– Ты – Витя? – окинув взглядом близнеца с кукишем на всякий случай уточнила Лиса. Когда мы где-нибудь собирались большой компанией, то близнецы, проявляя человеколюбие, надевали треники разного цвета. Витя синие, а Митя красные. Гости получали возможность обращаться к близнецам по имени, а также избавлялись от навязчивого ощущения, что у них двоится в глазах. Однако, зная братьев, можно было смело давать рупь за сто, что через полчаса они вти-

хомолку обменяются штанами. – Так вот, Витя, прежде чем фиги дамам показывать, поди, загляни в холодильник! И если найдешь там хоть что-нибудь, что захочешь съесть, мы от вас сразу отстанем.

Такая постановка вопроса братьев насторожила. Отличительной чертой семейства Забалегра была масса, и эту массу нужно было чем-то поддерживать.

– Всё так плохо? – подозрительно уточнил владелец красных штанов, следовательно, Митя. – А в кладовке? Пусто?

Алиска на миг смешалась. Сказать, что кладовка пуста, не решилась бы даже самая отчаянная лгунья. Но не в правилах Находки было пасовать из-за такой малости. Она сделала честные глаза и уже широко открыла рот, явно решив лжесвидетельствовать, как грянул телефонный звонок.

Поскольку в тот момент я ещё не знала, что звонок был ничем иным, как знаком свыше, то просто решила, что сие счастливый случай, уберегший подругу от очередного вранья.

– Слушаю вас внимательно! – нехорошим голосом сказал близнец Митя, поднимая трубку, а мы с Лисой озабоченно переглянулись. Время для звонка было неурочное – восьмой час. – А? М-м-м... Да... конечно!

Митя протянул трубку Алиске и выглядел при этом разочарованно.

– Алло? – с придыханием вякнула она в трубку. Услышав ответ, оживилась и весело затарыхтела: – Ой, Алечка, это ты!

Привет! Как дела, дорогая?

– Это Алевтина Сергеева? – глянула я на Митю, он кивнул и, лениво потягиваясь, направился куда-то в сторону кухни.

Алевтина (*) владела артгалереей, в которой Алиска уже не первый год совершенно беспрепятственно выставляла свои работы. Подозреваю, что Алька совершенно искренне считала Лису гением. Кстати, познакомил их никто иной, как мой сосед Юрка Лапкин... Так, так... а про отданную ему пробку я ведь совершенно позабыла...

Пока хозяйка дома болтала по телефону, я направилась вслед за близнецами. Которые, конечно, обретались на кухне, мрачно оглядывая внутренность холодильника. Но, не успели мы переброситься и парой фраз, как пред нашими глазами предстала Алиска.

– Всё! – категорично рубанула она ладонью воздух. – Мне завтра нужно в город и без разговоров! Алька сказала, что купили две мои работы, я хочу деньги налом получить... Мы с Жужу завтра быстро смотыляемся!

Близнецы задумчиво переглянулись и ещё раз глянули в холодильник.

– Ладно, – наконец сказал Витя и почесал в затылке. – Одни вы, конечно, фигли поедите. Вместе съездим!

Это уже было кое-что. Чтобы поощрить добрую волю, мы от пуза накормили близнецов утаенным в кладовке провиантом и устроились в гостиной. Братья наслаждались футболом по телевизору, а мы с Лисой пристроились у компьютера

и открыли карту города. Я достала украденную визитку.

– Смотри, вот где это... – негромко сказала я, обводя стрелкой курсора искомое. – От Алькиной галереи здесь рукой подать...

– Это хорошо, – кивнула Алиска, и покосилась на размлевших в креслах близнецов. – Но вот что мы им скажем?

На деле все оказалось достаточно просто. Утром мы дружно позавтракали, загрузились в здоровенный близнецовский джип и направились в город. Дорога по какой-то странной случайности оказалась почти пустой и минут через сорок мы уже подъехали к галерее. Посидели часок с Алевтиной за чашкой кофе, поболтали о пустяках, терпеливо ожидая, пока близнецы разделаются с запасом шоколадных конфет. Потом Алевтина отмусолила Лисе причитающиеся денежки и мы распрощались.

– Мальчики, – не терпящим возражений тоном сказала Лиса, усаживаясь в джип. – Мне нужно кое-куда заехать... Алька сказала, мой постоянный клиент просил, новый заказ есть... Это ненадолго.

И сунула близнецу, сидящему за рулём, бумажку с адресом.

Покрутив минут пять по переулкам, мы остановились возле помпезной лестницы сверкающей монолитной высоты. За последние годы подобные здания появлялись в городе, словно грибы после дождя, отчего-то навевая безрадостные мысли о столь успешно проведенной в стране приватизации.

– Мы быстро, – буркнула Лиса, хватаясь за ручку дверцы, но сидящий рядом близнец ловко шлёпнул по клавише замка:

– Куда это вы одни намылились?

– Витенька-Митенька! – взмолилась, прижимая руки к сердцу, Находка. Поскольку близнецы снова были одеты в одинаковые деловые костюмы, идентифицировать доподлинно их было невозможно. – Ну куда такой толпой? Это мой клиент, солидный человек... Мы его до смерти перепугаем! Вы сами гляньте, какое здание... Там полно охраны. Куда мы денемся?

Доводы явно казались близнецам неубедительными. Но тут Находка проявила столько напора и фантазии, описывая своего постоянного клиента, чудесного доброго старичка, находящегося практически на грани жизни и смерти и изъявившего последнее желание – запечатлеть в масле светлые черты любимой внучки, что я едва не прослезилась. В довершении Лиса довралась до того, что неоднократно тут бывала и знает все помещения как свои пять пальцев.

– Мы только договоримся, где я буду работать и всё! – горячо заверила Лиса, зачем-то поднимая вверх правую руку.

Вероятно, в пылу ей померещился зал суда и Библия.

Братья дали слабину и поддались на провокацию. Лиса щёлкнула замком и угрём выскользнула из машины. Я поторопилась следом, и мы живо дунули вверх по лестнице, пока наши добросовестные сторожа не пришли в себя.

Прозрачная вращающаяся дверь мягко выплюнула нас на гулкую поверхность надраенного мраморного пола. Звук дружного цоканья наших каблучков таинственно растворился где-то под высокими сводами светло-серого холла. Мы остановились. Вправо и влево тянулись широкие ковровые дорожки, прямо перед нами возвышалась длинная тёмно-серая стойка со скромной золотой табличкой: «Бюро». Слева мрачно поблескивала рамка металлоискателя. Царившая в холле тишина создавала величественную, однако, несколько траурную атмосферу.

Сидящая за стойкой девушка в синем костюме подняла голову и улыбнулась. Два охранника в форме оглядели нас с головы до пят, и улыбаться не стали. Сию же секунду наша затея представилась мне чистейшим безумством. Зачем мы сюда припёрлись?

– Чем я могу вам помочь? – любезно спросила служащая.

Находка решительно направилась к стойке и, пристроив на неё оба локтя, радостно оскалилась, словно на празднике:

– Это «Ормитс Стэт корпорейшн»?

– Да, – ласково согласилась девушка в синем. – Я вас слушаю.

Лиса окинула выразительным взглядом таращившихся на неё охранников и, сколько смогла, склонилась к менеджеру:

– Видите ли... Мне нужно поговорить с вашим начальником охраны... – доверительно сообщила она. Брови девушки удивленно дрогнули. – Это очень важное, сугубо конфиденциальное дело...

У меня по спине потек пот. Как я могла позабыть, что с детства не терплю всякие авантюры? Однако Находка, едва не болтая ногами в воздухе, продолжала висеть на стойке, о чём-то вполголоса беседуя с менеджером. К моему большому удивлению, та не только её слушала, но и кивала в ответ головой.

Закончилось всё совершенно необъяснимо. Менеджер оглянулась на охрану и кивнула седовласому усачу:

– Львов, проводите, пожалуйста, посетителей к приемной Викентия Ильича! – Она на мгновение задумалась, потом посмотрела на нас: – Служба охраны находится в левом крыле... Но вам придётся пройти через металлоискатель... Извините, за неудобства!

Находка мигом повеселела и уверила стоворчивую служащую, что с самого раннего утра мечтала о магнитной рамке.

Пока мы выкладывали на стол сумки, в холле появились другие посетители, и все, кроме седого охранника, о нас позабыли.

Удостоверившись в нашей лояльности, охранник пригласил нас за собой. Мы прошли в самый конец холла и, свернув за угол, оказались в небольшом коридорчике с широкой двойной дверью. Услужливо её открыв, охранник удалился.

Приёмная начальника охраны «Ормитс Стэт корпорейшн» выглядела по-спартански скромно. Две безымянные дубовые двери, одна напротив другой, два полукруглых кожаных диванчика, журнальный столик и широкий письменный стол, за которым, спиной к окну, восседала белокурая секретарша с сурово накрашенными глазками.

– Здравствуйте! – дружно поздоровались мы с Алиской, но ответного оптимизма явно не вызвали.

Похоже, это обстоятельство ничуть не смутило мою подругу. Казалось даже, наоборот, с каждой минутой она чувствовала себя всё уверенней.

– Викентий Ильич у себя? – подходя ближе к столу, поинтересовалась Лиса.

Секретарша бросила мимолетный взгляд на правую от себя дверь и коротко ответила:

– Нет!

– А когда будет?

– Викентий Ильич у руководства и ничего не сообщал, – подчеркнуто уважительно сказала секретарша. – Вы по какому вопросу? Вы записаны на приём?

Чтобы не отсвечивать столбом посередине комнаты, поскольку абсолютно не могла сообразить, что ответить, я присела на краешек дивана. Если уж Лиса нашла, что соврать при входе, то пусть и здесь выкручивается.

– Нет, мы не записаны, – голосом мамыши, терпеливо объясняющей малолетнему охламону, что нехорошо поливать

из окна горячей манной кашей прохожих, отозвалась Алиска. – У нас к нему дело сугубо личного характера.

Личный характер нашего визита не понравился секретарше особенно. Можно было предположить, что дела такого рода секретарша предпочитает решать с Викентием Ильичем сама. Лиса вовремя это поняла и, приложив определенное усилие, плавно увела разговор в нужное русло.

– Викентий Ильич говорил, что его очень беспокоит создавшееся в коллективе положение... – скорбно поджав губы, нагло сообщила примолкшей секретарше эта ходячая бездна фантазии и устроилась рядом со мной на диване. – Это такая трагедия для компании...

...И заявила, что мы пришли договориться о временных пропусках для сотрудников нашего центра релаксации и психотерапии, который и представляем. Местное руководство для снятия эмоционально-психологического стресса решило нанять для своих сотрудников опытных психотерапевтов... Это очень разумное решение со стороны администрации, поскольку многие ценные работники компании сейчас испытывают определенные психологические трудности... Но поскольку вопрос слишком деликатный, все проблемы технического характера необходимо чётко согласовать со службой безопасности...

– Вы же прекрасно понимаете, – апеллируя к секретарше, проникновенно тархтела подруга, – что человеческая психика слишком ранима, а её границы – понятие абсолют-

но условное... Сложившаяся ситуация провоцирует у людей чувство страха, неуверенности в завтрашнем дне... Поэтому сначала мы должны понять настроение внутри коллектива и лишь после этого сможем выявить...

Пока Лиса несла всю эту откровенную чушь, я сидела, съежившись и закрыв глаза, ожидая появления вышеупомянутой службы, которая уведет нас в тюрьму. Каково же было моё удивление, когда секретарша, энергично закивав, сообщила Лисе, что тоже испытывает невообразимый эмоциональный стресс, в подтверждении чего извлекла носовой платочек и приложила к щедро намазанным глазкам!

– Целую неделю здесь творилось нечто ужасное! Конечно, коллектив в шоке! И милиция, и полиция, и следовательно, и кого только не было! И Викентия Ильича на допросы вызывали! – Секретарша всхлипнула и оглядела нас, явно ища сочувствия. Мы взирали на неё как на икону и жаждали продолжения. Наконец дама убедила себя, что бесплатный сеанс психотерапии ей не помешает, и перебралась на соседний диван. – Представляете, какая это нервотрепка?

– Конечно... – промурлыкала Лиса, не спуская с секретарши глаз. – Как вас зовут?

– Зинаида Валентиновна...

– Прекрасно... Расскажите, пожалуйста, нам о своих эмоциях, Зина... Я думаю, мы сможем вам помочь... Записывайте основные моменты, Ан... А-анфиса Петровна! – вдруг ткнула в меня указательным пальцем Находка и улыбнулась

секретарше: – Мы с коллегой всё проанализируем... позже.

Малость обалдев от столь неожиданно присвоенного мне псевдонима, я молчком взяла наизготовку блокнотик и ручку...

Не знаю, о чём говорят люди на сеансе у психотерапевта, но, судя по Зинаиде Валентиновне, её просто раздирало от желания посплетничать. По известной причине мы не стали противиться благородному порыву скучающей в одиночестве сотрудницы.

– Понимаете, я давно заметила, что обладаю... э-э... усиленным... повышенным...

– Восприятием... – мимоходом вставила Алиска.

– Да-да! Правильно! Восприятием! Я просто всё чувствую! Просто как... м-м... тахометр... спидометр... Барометр! – обрадовалась, вспомнив нужное слово, Зинаида Валентиновна. – И по жизни, и по работе... Когда кого уволят... Ну, вы понимаете?

– Конечно, Зиночка, – мягко улыбнулась Лиса, – вы необычайно чувствительная натура! Вероятно, вы всегда очень внимательны к мелочам?

Зиночка живо закивала. Потом на мгновение задумалась, вероятно, выстраивая в голове упомянутые мелочи в стройные ряды.

– Мне давно казалось, что что-то должно случиться! Ну... произойти, понимаете? Последнее время всё как-то...

– Вы давно здесь работаете? – осторожно перебила подруга.

– Четвёртый год. Как только «Ормитс» сюда в новое здание переехала, так и я устроилась... Первые полгода работала у зама Аркадия Борисовича... – Секретарша снова мимоходом промокнула глазки, давая понять, что о безвременно ушедшем начальстве скорбит без перерыва. – Потом начальником охраны пришёл Викентий Ильич, и я оказалась здесь... – Застенчиво кося в пол, она затрепетала ресницами, намекая, кажется, на какую-то романтическую историю. Я заволновалась, опасаясь, что тушь на её ресницах склеится, и Зиночка не сможет разлепить веки. Но она справилась и, чуть понизив голос, продолжала: – Примерно года три тому назад корпорацию месяцев с пять штормило... В смысле, не фирму как фирму, а персонал весь стоял на ушах!

– Персонал всей корпорации? – уточнила Лиса, судя по выражению глаз, чуток подзапутавшаяся в эмоциональных показаниях.

– Нет, – поморщилась секретарша, – я говорю о нашей службе, об охране! Ребята ночами не спали, всё время их на работу выдёргивали. Поездки туда-сюда и за границу тоже. Поток документации пошёл – боже упаси! Я в бумагах утонула! Секретных докладных, то под первым кодом, то под вторым, столько было, что я обедать не успевала! А сколько

ещё мимо меня несли! Тех, что только из рук в руки и вроде никто знать не должен... Но я же вижу! Ну, вы понимаете?

Мы глубокомысленно кивали.

– В курилках все, конечно, болтали о большой сделке, – выгнув брови, выразительно посмотрела на нас Зиночка, – но я-то знала, что дело не только в этом! Тут всегда всё тише проверяется. Партнеры, репутация, финансы...

– А чем «Ормитс» занимается? Строительством? – вдруг брякнула любимая подруга и я похолодела.

Ведь мы должны быть в курсе подобной малости, коли собрались работать с персоналом! Нас же, вроде, уже наняли. Но искра недоумения лишь на миг мелькнула в голубых секретарских очках. Зинаиде Валентиновне сейчас не хотелось анализировать. Ей хотелось делиться.

– Да нет же! Сама «Ормитс» ничего не строит. По-русски это называют «купи-продай» и чтоб «комар носа не подточил»! Всё, что клиенту необходимо...

На мой взгляд, пояснение было весьма туманным и охватывало преогромную сферу деятельности.

– Так вот, довольно скоро я поняла, в чём же всё-таки дело! Самарин, царство ему небесное, за то время семь раз выезжал в Швейцарию! Семь! И всё, заметьте, в одно лето, примерно в течение двух месяцев! Так вот: последние три раза он ездил один, притом, что ругались они из-за этого с Викентием Ильичём насмерть! Нельзя было шефу одному, без охраны! Викентий Ильич все силы приложил, сделал, что

мог, но... – она трагично развела руками, – начальник он и есть начальник! Маргарет ходила белей белого, я прямо думала, удар с ней случиться...

– Маргарет... – наморщила лоб Лиса. – Маргарет?

– Секретарша! Маргарита Терентьевна Пелеросох, секретарша самого Самарина... Её за глаза так и прозвали – Маргарет. Знаете ту англичанку Маргарет Тэтчер? Так наша её два раза по пояс заткнёт, кого хочешь осадит, ей раз плюнуть! Ей уж хорошо за полтинник, а выглядит, как с картинки. Она у Самарина лет пятнадцать работает, не меньше! Одним словом, вижу, что Маргарет здорово нервничает, курит без перерыва да зубами скрипит. Вот стоим как-то в курилке, я и спрости: «Что, мол, такое? У нас проблемы?» Она сначала только головой так покачала: «Шефа, мол, нету, не могу документы необходимые подписать!» А потом, – видно, наболело уже, – и говорит: «Дурит Аркаша, словно умом тронулся! Опять сегодня все встречи отменил!» Ну я, конечно, почувствовала... Оказалось, что когда они были в Швейцарии, вели переговоры... Это в самом начале лета... – пояснила Зина, – то познакомился там Самарин с какой-то вертихвосткой. Где-то в кафе или ресторане... Сама русская, а на лето приехала к родственнику, что там постоянно проживает. Ну и... Курорт, сами понимаете! Понеслось! Сначала, может, и несерьёзно было... А потом он голову совсем потерял! Только домой вернулся и снова – туда! Я же вам говорила, семь раз ездил! Какая уж тут работа! Сделки даже от-

менялись... Клиенты уходили! – Тут глаза Зиночки едва не выпали из орбит. – К осени-то девица вернулась, стали они здесь встречаться. С полгода прошло. А потом что-то случилось. То ли поссорились, то ли что, никто не знал. Только бросила она его и исчезла. Вот тут мы рогами-то всю землю перерыли! – с гордостью покивала секретарша, будто лично участвовала в поисках сбежавшей любовницы начальника. – Но толку никакого! Ходили слухи разные... Маргарет рассказывала, что Самарин едва умом не тронулся! Нар-о-оду переувольнял! Но потом, ничего, справился... Понемногу всё утряслось...

Секретарша глубоко вздохнула, поёжилась и, скомкав измазанный чёрной тушью носовой платок, опечаленно затрясла головой.

Повествование затягивалось. Если близнецы заподозрят неладное или потеряют терпение, то запросто устроят здесь Варфоломеевскую ночь.

Мы с Лисой украдкой переглянулись. Подруга явно разделяла мои опасения. Секретаршу следовало поторопить:

– Эта история как-то связана с тем, что случилось? С вашим предчувствием?

Женщина с готовностью кивнула.

– Месяц или около того, назад... Я случайно услышала разговор... – Зинаида сделала паузу, красноречиво говорящую об абсолютной случайности произошедшего. – Викентий Ильич в кабинете говорил с одним из замов Аркадия

Борисовича... Говорили о Самарине. И так удивленно переспрашивает: «Она? Как видели? Как это могло случиться?» И голос такой у него... Очень растерянный! Ну, в общем, я догадалась, что они говорят о той женщине... Вот я и поняла, что добром это не кончится! А в ту пятницу Викентий Ильич сказал: «Ты не поверишь, Зиночка, но босс заявил, что завтра будет не с женой. По-моему, у него снова едет крыша...». А в воскресенье днём мне домой позвонила Маргарет. У неё была настоящая истерика! То орёт, то рыдает... В субботу были назначены переговоры... Очень важные. С кем-то из Азиатского союза... Самарин примчался туда с выпученными глазами и едва их провалил... И это с азиатами! Потом оставил охрану и исчез! Никто и не знал, где он, пока полиция не позвонила его заму! Самарина пристрелили в собственном загородном доме!

– Но как же это связано... – не вытерпела Алиска.

– Так Маргарет видела на приёме его любовницу! Ту самую студентку! Как её там... Олеся, кажется... Маргарет её узнала! И эта девица потом исчезла! Говорят, она Самарина и убила. Вот, а вы говорите!

Ради истины следует уточнить, что к этому моменту мы с Лисой вовсе не говорили. Мы делали отчаянные попытки удержать отваливающиеся нижние челюсти и попытки, чест-

но говоря, выглядели жалко. Секретарша прекрасно видела, какое впечатление произвел её рассказ, но, по счастью, истолковала это по-своему.

– Я-то с первой минуты знала, что всё закончится чем-либо подобным! Только вот что я вам скажу: не просто так она вернулась! Это она Интерпол на «Ормитс» и навела! И неизвестно ещё случайно они в Швейцарии познакомились или нет!

– Интерпол? Погодите-ка... – нахмурившись, в недоумении отстранилась Лиса. – Международная... полиция?

– Ну да!

– При чем здесь Интерпол?

Зиночка раскрыла уже рот, но вдруг нахмурилась, вспомнив, вероятно, что она всё-таки секретарь начальника охраны.

– Это... неважно!

Я не без оснований подумала, что нам не стоит перегибать палку. Секретарша выговорилась, и теперь вполне могла проявить законную подозрительность.

Разворачиваясь, я словно ненароком пнула Алиску в щиколотку.

– Что ж... – с умной миной поджав губы, она поднялась с диванчика, – вы, Зина, абсолютно правы – перед нами весьма сложная задача. В такой ситуации в коллективе непременно возникнет много проблем... Спасибо вам за помощь! Мы всё проанализируем... И заедем к Викентию Ильичу позже,

с готовыми предложениями...

Горячо поблагодарив немного опешившую секретаршу, я подтвердила, что мы вернёмся в самое ближайшее время. Зиночка захлопала глазами.

Не теряя времени, мы двинули к выходу. И до той секунды, пока не оказались на свежем воздухе, я не верила, что нас так просто выпустят на улицу. Но девушка в синем занималась новыми посетителями и внимания на нас никто не обратил.

– Жужу, – едва за нами закрылась дверь центрального входа, ткнула меня Алиска, – ты сейчас не обратила внимания на монтеров в красных спецовках? Что возились с какой-то проводкой в маленьком холле слева от бюро?

– Не-а, – мотнула я головой, вдохнув полной грудью воздух свободы. – Я сейчас только твою спину видела... А что?

– Так... – уклончиво пробормотала подруга и махнула рукой.

Добравшись до лестницы, я первым делом взглянула на стоявший внизу джип и сердце моё дрогнуло. Пейзаж предстал радостный: навстречу нам по ступеням шустро поднимались близнецы. Их нахмуренные лица не оставляли иллюзий – терпение братьев лопнуло.

– А мы уже тут! – фальшиво изображая радость, заверещала Находка, активно размахивая над головой руками. – Уже идём!

Увидев нас, близнецы остановились. Один из них поднял

правую руку и выразительно погрозил указательным пальцем.

– Уф, – снова переводя дух, буркнула я, – чуть не вляпались!

– Это точно... – подтвердила подруга и, чуть помедлив, спросила: – Шмелёва, ты хоть поняла кто такой этот Викентий Ильич?

– Начальник охраны... – немного удивившись, отозвалась я.

– Это Змеёныш, – неторопливо шагая вниз по ступенькам, хмыкнула Лиса. – Самарин при мне называл его Викентием Ильичом. Теперь соображаешь?

Я не соображала и потому задумалась. Вот что привело Находку в веселое расположение духа, когда она поговорила с менеджером! Она поняла, что мы нашли Змеёныша. Однако, услышав рассказ секретарши, беседовать с ним почему-то не решилась.

– Может, тогда лучше было дождаться его и поговорить?

– Не знаю, – кусая губу, в сомнении покачала головой подруга. – Если эта Зиночка не сумасшедшая, то начальник охраны должен был знать любовницу Самарина в лицо. Так почему он не сказал следователю, что я – вовсе не она? Что он сам в тот вечер посадил меня в машину, которая привезла меня именно домой? Кто кроме него мог поручить водителю платье взять?

– Может, его следователи не спрашивали? – робко пред-

положила я.

– Секретарша сказала, что его вызывали на допрос!

– А если тебя именно потому и не задержали, что он всё объяснил? Просто Мельников темнит на всякий случай?

– Вот то-то и оно, – сердито зашептала Лиса, поскольку мы почти уже добрались до «братской стенки», перекрывшей широкими плечами едва не половину лестницы, – что здесь всяких «если» гораздо больше, чем «потому что»!

Остановившись на две ступени выше братьев, Лиса сделала вполне логичное заявление:

– А вот и мы!

– Ты сказала: «Быстро!» – сердито рявкнул тот, что стоял слева. – А прошло больше получаса!

– Мальчики, – подхалимски улыбаясь, ласково замаякала Находка, удачно сделав вид, что плохо слышит, – может, зайдём в кафе, перекусим? А то уже кишка кишке бьёт по башке...

Глянув на нас с большим неодобрением, братья побурчали, но, конечно же, согласились.

Минут через сорок, оставив своих спутников разбираться с десертом, мы удалились в дамскую комнату.

– Думаю, – убедившись, что мы здесь одни, Лиса устроилась возле умывальника, – чтобы покончить со всей этой ерундой, нужно поговорить с секретаршей Самарина. Вот кто точно должен знать Олесю! И пусть объяснит вдове, что это просто путаница.

– Нет, – возразила я, копаясь в дамской сумке в поисках расчёски. – Была у Самарина любовница, не было – сейчас не так важно. Это прошлое, а кокнули его в настоящем! Сначала нужно найти шофёра, который забрал платье! Думаю, он тоже охранник или шофёр из гаража. Должен же быть у такой здоровенной фирмы свой гараж?

Мысль подруге явно понравилась. Пошарив в своей сумке, она извлекла косметичку и, повернувшись к зеркалу, принялась сосредоточено красить губы. Когда она крепко задумается, ей всё равно, где мазать – по физиономии или по холсту.

– В принципе, если узнать, какие машины у них в гараже... Кто водитель... Работал ли в тот вечер... – бормотала Лиса, успевая между словами наносить на губы лёгкие мазки. – А если он будет в униформе, я вполне смогу его узнать. А если я его узнаю... – тут она повернулась ко мне и глаза её азартно сверкнули, – то живой он от меня не уйдёт!

Тут дверь в туалетную комнату приоткрылась и в щель заглянула наша официантка:

– Извините... Ваши друзья интересуются, всё ли у вас в порядке... – девушка смущенно улыбнулась. – Извините...

– Всё в порядке, большое спасибо! – живо отозвалась Лиса. – Передайте, что мы подойдём через пару минут!

Девушка исчезла, осторожно прикрыв за собой дверь.

– Ну как же они меня достали! – прорычала подруга и в сердцах запульнула косметичку в сумку. – Всё! Сейчас по-

сылаем их к ядрёной бабушке и пусть катятся! Скажу, что извращенца простила и выхожу за него замуж! Не будут же они охранять меня от жениха?

– Эй, погоди! – я поспешила остудить её пыл. – А про телефонные звонки забыла? Если это те самые бугаи, что приходили к тебе после следователя, мы что вдвоем будем делать? Кто им помешает заявиться снова? Может я? Не рассчитывай! Я что-то путаю или они от тебя чего-то хотели? Или уже забыла, как рыдала?

Вспомнив о друзьях покойного, Лиса сникла.

– Ладно, – кивнула, нахмурясь, – близнецов оставляем. Но как что-нибудь выяснить, если они висят на хвосте?

– Не они висят на хвосте, а мы ездим на их машине, – поправила я. – Делаем так... Сначала попробуем ещё раз позвонить Бублику...

– Послушай, Жужу! – перебила вдруг Алиска, хватая меня за руку. – Мне кажется, я его видела...

– Когда?

– Сегодня... – и она сделала круглые глазищи.

– Ты сегодня видела Антона Бубликова? – Я решила уточнить дословно, зная, что Находке в целях безопасности волю фантазии давать нельзя.

– Ну да! Я же спросила тебя про монтеров... Там, в «Ормитс... корпорейшн»...

Я никак не могла сформулировать наводящий вопрос, поэтому только моргала.

– Там в коридорчике три мужика в красных спецовках провода какие-то тянули... или ещё чего... Ну электрики! И мне показалось... там был Бубликов. Тоже в спецовке...

В общем-то, отливать такие пули у Находки в порядке вещей. Она и сама понимала, что то, о чём говорит, больше смахивает на бред, поэтому голос звучал не очень уверенно.

– Бублик? – переспросила я и, не удержавшись, фыркнула. – Электрик? Да он вилку в розетку воткнуть не в состоянии! Если он только за провод возьмётся – в радиусе пяти километров всё замкнёт! И непременно пожар случится! Всё, прощай, «Ормитс Стэт корпорейшн!»

И я захохотала. Но Лиса упрямо мотнула головой:

– А если он на задании? От редакции? О котором та скрипучая секретарша говорить не желает? Он мне сам сказал, что хочет узнать, чем Самарин занимался!

Вытерев выступившие от смеха слезы, я пожала плечами:

– В жизни всё, конечно, бывает, но... Попробуй ему набрать, может сейчас ответит?

Подруга сделала пару попыток дозвониться, но журналист не отзывался.

– Маскируется, – сказала я. – Кабелем прикидывается!

Тут даже Лиса рассмеялась.

– Ладно, нет Бублика, давай позвоним Юрке Лапкину. Может он про пробку чего скажет?

– Давай, – согласилась я, – может он меня уже искал, а я-то у тебя... Только я его номер не помню. И сестры его не

помню. А телефон я дома забыла... Надо домой заехать. И к Юрке заглянем, вдруг он не на работе? А братьям скажем, что мне вещи кое-какие нужны...

– Ладно, – кивнула Лиса, поскольку делать всё равно было нечего. – Пойдём! Не то наши венгры сюда сейчас сами вломаются!

Юрки естественно дома не было. Лапкин вообще всегда возвращался поздно, а иной раз пропадал и по несколько суток, чем вызывал вполне законное негодование жены Светы. Однако сетовать было не на кого – свой путь в жизни Юрка выбрал сам.

– А служебного телефона не знаешь? – разочарованно почесала в затылке Находка, глядя на мои безуспешные попытки дозвониться на Юркин мобильный.

– Нет, конечно, – пожала я плечами. – Зачем он мне?

Бесцельно потоптавшись по квартире, я сунула в сумку пару подвернувшихся кофточек. Потом полила кактус. Близнецы следили за мной в терпеливом ожидании.

– Ну что, всё? Поехали? – У меня в квартире не было боксерской груши, по телевизору не транслировали ни футбол, ни хоккей, и находиться здесь братьям было скучно. – Ещё за продуктами надо...

Истомившегося близнеца прервал телефонный звонок. Я

взяла трубку и неожиданно услышала голос Кусякина:

– Ну, здравствуй, Анна Алексеевна! Куда запропала-то?

– Да всё дела девичьи, Олег Гаврилыч! – осторожно отозвалась я, хорошо понимая, что шеф звонит вовсе не для того, чтобы поинтересоваться моим досугом. – А ты как поживаешь?

– Ты мне нужна! – проигнорировав вопрос, прямо сообщил начальник, и фраза, способная вызвать прилив восторга у большинства незамужних женщин, вызвала во мне негодование:

– Я в отгуле! – Кусякин на том конце провода философски помалкивал, пережидая. Я на всякий случай добавила: – Это нечестно!

Гаврилыч мудро безмолвствовал. Это означало, что особых вариантов у меня нет. Вздохнув, я хмуро буркнула:

– Когда?

– Послезавтра. Ты должна быть в офисе в восемь. А там как бог положит...

– Ладно, – ответила я, давая отбой.

К Рыбёшкино мы подъезжали уже затемно. Вспомнив, что снова оставила дома на тумбочке свой сотовый телефон, я тихо ругнулась:

– Вот же бестолковая! Лиса, – шепнула я ей на ухо, – ты случайно не запомнила Юркин номер? Опять я мобильник дома забыла!

Алиска фыркнула:

– Твоё болезненное пренебрежение к современным средствам связи довольно подозрительно! Шиза прямо! И только не начинай своё...

Не стерпев, я перебила:

– Это у вас болезненное пренебрежение к собственному здоровью! Мобильник, между прочим, признан канцерогеном! Да, да! Не отмахивайся и не морщись! А эта новая дикая забава фотографировать себя везде и во всех прозах вызывает у меня шок. У нашей сотрудницы, у Веры Николаевны... Ну ты ее видела... У ее подруги племянник разбился. Полез зимой на крышу пятиэтажки фотографироваться у ограждения. И что? И сам в лепешку, и у матери инфаркт!

Находка покосилась на меня, малость подумала и хмыкнула:

– Ну и ладно! Забыла и забыла. Не велика потеря! Всё одно твоим телефоном только гвозди удобно заколачивать!

В принципе это была чистая правда. Мой телефон столько раз роняли и стучали, что канцероген давно надо было покупать новый.

Джип остановился. Хозяйка вылезла и, открыв нам ворота, направилась к дому.

– Жрать охота! – заглушив двигатель, сообщил близнец и кивнул брату на багажник: – Давай, Витёк, тащи харчи в дом...

Тот возмущенно хрюкнул и открыл рот, собираясь, вероятно, выдвинуть брату аналогичное предложение, но нежиз-

данно умиротворяющую вечернюю благодать прорезал громкий вопль. Орала Находка. Мы испуганно переглянулись и, не стовариваясь, бросились к дому.

Мигом одолев крыльцо, мы ринулись в холл. Близнецы меня конечно опередили. Их широкие спины перекрыли всю панораму, и я не сразу поняла, почему они вдруг остановились и дружно хмыкнули:

– Ни фига себе!

Я живо вылезла на передний план... и охнула. В гостиной всё было перевернуто вверх дном. Шкафы выпотрошены, с полок всё сброшено... Пианино стояло едва ли не в центре комнаты, вокруг него гора растерзанных книг, на перевёрнутое кресло накидана верхняя одежда. Выглядело всё так, будто в дом впустили стадо сильно скучавших орангутангов.

Посередине всего этого великолепия, беспомощно раскинув руки в стороны, стояла Алиска. Она растерянно оглядывалась, явно силясь что-то сказать.

– Обчистили? – неуверенно спросил один из близнецов и поглядел на брата.

Тот поглядел почему-то на меня. Прикинувшись, что не замечаю пытливого взгляда, я попятилась и скользнула к кухне.

Кухня выглядела ещё более плачевно. Шкафчики нараспашку, полки пусты, содержимое банок с крупами на полу вперемешку с картошкой. Меня добила перевёрнутая сахарница, всегда стоявшая на обеденном столе. Это были дотош-

ные воры.

Однако настоящий шок довелось испытать, когда мы добрались до второго этажа. В спальнях были сорваны даже шторы вместе с карнизами, а вот в мастерской...

– Ма-а-ам-м-а! – взревела Алиска, в ужасе хватаясь за голову. – Мама! Что это такое?!

Мастерская выглядела, словно после стихийного бедствия. Все имевшиеся у Алиски краски мирно пузырились в одной большой луже в центре комнаты, образуя затейливые цветовые сочетания. Готовые полотна, обычно стоявшие возле стены, в беспорядке валялись на полу, подрамники поломаны. Эта яркая красочная разруха выглядела так нелепо, что несколько минут мы просто стояли, молча оглядывая разоренные стены.

– Вот блин... – наконец проронил стоявший рядом со мной близнец и ткнул меня локтем. – Ментов надо вызывать.... Обокрали... да, Ань?

– Откуда мне знать? – сердито отдернула я руку. Почему все всегда всё на меня сваливают? Однако, ситуация из ряда вон выходящая и делать что-то надо. Главное – не допустить впадения Находки в меланхолию. – Лиса! – громко позвала я, – что пропало? Давай, не впадай в столбняк! Звонить в полицию?

Она посмотрела на меня отсутствующим взглядом. Вот только этого не хватает! Мало народу после подобного чувствует себя бодряком, но рыдать и убиваться лучше чуть поз-

же. А то этот... как его?... след остывает!

Меж тем, не дождавшись ответа, близнецы один за другим вышли. Я вздохнула, покачала головой и осторожно обошла вязкую лужу. Поставив на место несколько полотен, оглянулась на Алиску.

– Слушай, – стараясь правильно подобрать слова, спросила я с нажимом: – что ты об этом думаешь?

Подруга отозвалась неожиданно бодрым голосом:

– Думаю, что это полная задница... И почему-то мне кажется, что дальше всё становится только хуже... Ты не находишь?

Поняв, что она в полном творческом сознании, я почти обрадовалась:

– Хочешь сказать, что это... продолжение?

– Вот именно! Зачем в здравом уме дом громить? Шуба на месте, техника на месте, золото валяется на полу! Даже деньги не взяли! Знаешь, Анька, – голос у Лисы вдруг дрогнул, но она справилась, – лучше бы меня обокрали! Ведь они хотят упечь меня в тюрьму! За убийство! Ты же тоже сразу поняла?

В этом месте я чуток запуталась, поскольку размышляла несколько об ином. Заглядывая мне в лицо, Алиска зашептала:

– Они искали тот пистолет... Теперь могу поклясться, что именно из него башку разнесли Самарину... У них есть платье, бокалы с отпечатками, меня опознает секретарша и ещё

тридцать человек, остается только орудие убийства... Если они отыскали, куда его запрятал Бублик, то могли сунуть тут под любую тряпку. Я как чувствовала... Вызовем полицию и тогда дело моё – труба...

Слушая Алиску, я вдруг перепугалась до смерти. О пистолете я уже совсем позабыла. Но Лисья догадка здорово походила на правду. Кому-то очень требовалось, чтобы полиция снова здесь побывала.

– А тебе Антошка даже не намекнул, куда его сунул? – дрожа от нервного возбуждения, вытаращилась я.

Я была готова бежать хоть на край света, чтобы забрать проклятое оружие и утопить в местном пруду. Но Алиска, не сводя с меня глаз, медленно покачала головой.

– Задушу чёртового журналиста! – пообещала я, сжимая кулаки. – Вдруг он действительно спрятал его где-то в доме?

Посоветовавшись ещё пару минут и оценив сложившуюся ситуацию, мы решили никого не вызывать.

– Чёрт с ними! – махнула рукой Находка, поминая сама не зная кого, – краски куплю, а вещи по местам рассовать недолго!

Я согласно кивнула, испытывая отчего-то облегчение. И всё было бы ничего, если бы по лестнице не зашлёпали вдруг шаги и в мастерскую не заглянул ободряюще улыбающийся близнец:

– Ничего, девчонки, не расстраивайтесь! Полицию мы уже вызвали!

Не знаю, что происходит в других подобных случаях, но по звонку в местный отдел полиции о краже в Алискин дом явился старший следователь следственного комитета с двумя помощниками.

– Здравствуйте... товарищ... капитан... – растерянно сказала я, увидев на пороге физиономию Мельникова.

Алиска за моей спиной изумленно икнула. В ответ капитан широко оскалился, словно до смерти рад был нас видеть, мазнул взглядом по стоявшим в сторонке близнецам и кивнул:

– И вам не хворать, Анна Алексеевна!

И прошел внутрь. За ним показались Блинов с Каравайкиным. Вежливо поздоровавшись, они неслышно втекли вслед за начальством.

На лицах братьев Забалегра отразилось недоумение. Однако врожденная склонность венгров не форсировать без нужды события возобладала, и ни один из них и рта не раскрыл, хотя адресованные мне взгляды выглядели довольно красноречиво.

– Слушаю вас, Алиса Венедиктовна! – сказал Мельников голосом лечащего врача из психушки. Далее так и просилось: «Как вы себя чувствуете?», но капитан не внял соблазну. – Что произошло? Кто погром учинил? Надеюсь, не

они? – и кивнул на близнецов.

Думаю, можно не уточнять, что вопрос братьям не понравился. Взгляд у обоих стал нехороший и на могучих шеях дружно запульсировали вены. Всё-таки у Мельникова была явная склонность к авантюрам.

– Нет, нет! Это наши друзья... – торопливо затрясла головой Лиса и на правах пострадавшей взялась объяснять: – Мы только что вместе из города вернулись... А тут всё вверх дном!

Мельников внимательно слушал, но излагала подруга не слишком доходчиво. В сравнении с сегодняшним искрометным выступлением в приёмной Змеёныша рассказ казался жалким лепетом второгодника. Видимо Находка совсем выдохлась. И морально, и физически. К приходу следователя мы с ней в прямом смысле слова едва успели отдышаться. Поскольку услышав, какую неоценимую услугу оказали нам братья, со всех ног кинулись искать среди раскиданных вещей пистолет. Конечно, это была всего лишь версия, но если бы она подтвердилась, то, по выражению Лисы, «была бы последним гвоздиком для моего маленького гробика». До прихода следователя мы под изумленными взглядами близнецов судорожно обшаривали дом. Пистолет мы не нашли, зато разворотили всё окончательно.

– Значит, вас не было весь день? – как-то безразлично осведомился Мельников, когда Алиска прекратила наконец мямлить. – Замки были целы?

– Целы.

– Заперты?

Лиса сосредоточилась и заморгала на потолок.

– Калитка была... закрыта... Дверь в дом... тоже... кажется...

Физиономия её приобрела виноватое выражение, и было ясно, что точно она ничего не помнила. Творческая натура, что с неё взять!

– Что ж... – протянул следователь и посмотрел на свои часы. – Макс... Фёдор! Загляните к соседям, поспрашивайте...

Те дружно кивнули и живо удалились. Я украдкой перевела дух.

Теперь, когда капитан остался в одиночестве, складывалось впечатление, что он не знает, что же делать дальше. Оглядываясь, он пересёк гостиную, вышагивая, словно аист, среди разбросанных вещей, и аккуратно пристроился на краешке дивана. Мы тоже дружно засуетились и пристроились, кто куда. Я решила воспользоваться возникшей паузой и вежливо кашлянула:

– Товарищ капитан! Кх-м!.. Наши друзья ведь звонили в местное отделение... Как же вы тут очутились, да ещё так быстро?

Казалось, вопроса Мельников ждал. Придав лицу практически ангельское выражение, он кротко вздохнул:

– Работаем по Самаринскому делу! Можно сказать, и дню-

ем, и ночуем в Рыбёшкино! Так что был рядом, местные сотрудники и передали... Решил сам взглянуть, в чём дело. Нет ли каких новых обстоятельств... – тут он повернулся к Алиске и резко спросил: – Нет новых обстоятельств?

Лиса вдруг сделалась зеленой и затряслась. Степень удивления близнецов достигла своего апогея. Они никак не могли понять, что происходит и, опережая вопросы, готовые сорваться с их губ, я с жаром выпалила:

– Нет, нет! Ничего нового пока нет! А сейчас вот... дом разгромили... и ничего не украли!

– Да ну? – вполне естественно удивился Мельников, но мне отчего-то казалось, что он издевается. – А вы уверены?

Поскольку Находка всё ещё зеленела, я решительно отозвалась:

– Уверены! Мы всё проверили! – в сторону близнецов я старалась не смотреть.

Мельников перевёл вопрошающий взгляд на Алиску, и она молча кивнула.

– М-м-м... Значит, пропавших вещей нет? То есть, произвести опись похищенного... не представляется... возможным?

Лиса покачала головой.

– То есть, квалифицируем... как хулиганство?

Задавая вопросы, Мельников выразительно растягивал слова, словно отчаявшаяся учительница, пытающаяся добиться ответа от закоренелого двоечника. Но Лиса снова по-

качала головой. Потом махнула рукой и едва слышно произнесла:

– Нет, ничего не надо... Извините...

Пару минут Мельников убеждал Лису, что такое решение не слишком разумно, но делал это как-то лениво, словно неохотно. Казалось, что в этой комнате у всех было одно желание – избавиться друг от друга.

Наконец в коридоре послышались шаги. Мы дружно уставились на дверь.

– Никто ничего особенного не видел, и не слышал! – громко объявил появившийся в гостиной Каравайкин. – Единственное, – сосед напротив приметил, будто у ворот какое-то время машина стояла... Чёрная.

– Вроде иномарка. Но ни к номеру, ни к марке он не приглядывался! – вынырнув из-за спины напарника, внес свою лепту Блинов. – Вот и всё!

– Вот и всё! – словно эхо повторил Мельников и оглядел всех нас по очереди. Остановив взгляд на хозяйке, вопросительно приподнял бровь: – Так будем писать заявление, Алиса Венедиктовна?

Писать Алисе Венедиктовне ничего не хотелось. Хоть она и старалась, но все её желания прямо таки читались у неё на лбу.

– Что ж! – не дождавшись толка от пострадавшей, громко хлопнул ладонью по подлокотнику Мельников и поставил точку: – Если все проблемы улажены...

Через секунду, кивнув на прощанье, Блинов и Каравайкин исчезли в коридоре.

На недоумевающие лица братьев жалко было смотреть. Однако, видно рассудив, что хозяйке лучше знать, что происходит в её доме, они помалкивали.

– До свидания, – сказал Мельников, обратив взор в их сторону. За всё время пребывания на месте происшествия он взглянул на братьев едва ли не второй раз. Кивком попрощался с Лисой и вдруг обратился ко мне: – Окажите любезность, Анна Алексеевна, проводите до ворот...

Безумная мысль, что Мельников снова решил отвезти меня в город, пропала так же быстро, как и появилась.

– Конечно, – машинально тряхнув головой, ответила я, – пожалуйста!

Мы спустились с крыльца. За воротами уже нетерпеливо урчал заведенный «Форд». На середине дорожки Мельников остановился и достал из кармана пачку сигарет.

– Это действительно ваши друзья? – он неторопливо затянулся и бросил на меня короткий пытливый взгляд.

Интересно, он за выражением моего лица следит? Мы с ним в шпионов играем?

– Действительно, – хмыкнула я, с трудом спрятав усмешку, поскольку мимоходом представила Мельникова в роли Штирлица. Нет, до Тихонова ему далеко. Хотя красивый мужик, конечно... – А вы что подумали?

Он чуть заметно пожал плечами:

– Ничего... Всякое бывает. Друзья детства, я полагаю?

– Ну да...

Прозвучало почему-то глуповато, но что поделывать, если мы действительно с детства жили с близнецами в одном дворе, мало того – дрались в одной песочнице? К тому же, в те далёкие славные времена мы с Лисой частенько их лупили, потому что братья младше нас на три года!

– Тогда – счастливо оставаться! – сухо кивнул Мельников. – Вот, возьмите! Позвоните мне, если вдруг вспомните что-то... или узнаете новое...

Я, конечно, могла ошибаться, но он, кажется, говорил не о сегодняшнем происшествии. Мельников уже развернулся, чтобы уйти, но тут меня словно кто под руку толкнул:

– Товарищ следователь! М-м-м... Простите, не помню вашего имени-отчества...

В ответ Мельников молча указал на визитку, которую только что мне вручил.

– Константин Михайлович! Ведь мы оба знаем, почему вы сейчас сюда приехали... – он сделал вид, что даже не догадывается, о чём я. – Я думаю, вы должны хотя бы... рассказать! Или объяснить... О Самарине! Ведь в прошлый раз вы практически обвинили мою подругу! Вы же понимаете, она переживает...

– А ей есть о чём волноваться? – невинным голосом уточнил Мельников.

Мне захотелось его стукнуть. Терпеть не могу, когда ведут

себя как ослы, если вполне могут этого не делать!

– Каждому есть о чём волноваться, если его обвиняют в убийстве! – зло ответила я, стуча зубами то ли от волнения, то ли от ночной прохлады.

– Никакого обвинения против неё пока не выдвинуто. Я не говорил, что в этом деле рассматривается единственная версия... – тут капитан решил, что сказал более чем достаточно, запульнул окурок в кусты и выразительно кивнул в сторону дома: – Идите! Холодно, простудитесь...

Надо же, какая трогательная забота о ближних! Следователь с человеческим лицом!.. Господи, а с каким же он должен быть?

Ежась от свежего ветерка, я торопливо закрыла калитку. Подходя к крыльцу, на мгновение остановилась и посмотрела на светящиеся окошки. Да, все-таки жаль, что прошли те далёкие славные времена, когда мы с Лисой безнаказанно отвешивали братьям тумаки!

Проскользнуть с невинным видом мимо гостиной в кухню не удалось.

– Ну-ка, девонька, иди сюда! – поймав за руку, близнец без лишних политесов подтолкнул меня к дивану. Там, сердито дую губы, уже сидела Лиса. – Хватит нам мозги полоскать! Давайте, как на духу! Это что за психдом?

Вопрос был поставлен до неприличия конкретно. Однако я трезво рассудила, что имею полнейшее право помолчать. Лиса заварила всю эту кашу, вот пусть и распинается.

Придя, вероятно, к такому же выводу, Алиска недовольно закричала. Она внимательно оглядела братьев, взирающих на неё в суровом нетерпении, и неожиданно спросила того, что был слева:

– Ты – Митя?

Он растерянно кивнул. Его брат в недоумении свёл брови. Я тоже с любопытством глянула на подругу, прикидывая, чего она затеяла. А та, обращаясь ко мне, вдруг вредничим голосом сообщила:

– А я знаю, чем наши близнецы различаются! У Митьки на левом виске родинка! Вон! – и ткнула пальцем: – Видишь?

Я сразу поняла, что Алиска права: братья переглянулись и дружно насупились. Она явно разгадала строжайшую семейную тайну. Обрежь и сожги Лиса их любимую боксерскую грушу, едва бы они расстроились сильнее. Думаю, если бы сейчас мы снова сидели в одной песочнице, Алиска точно схлопотала бы ведёрком по кумполу.

– Ладно уж! – примирительно сказала я расстроенным братьям, после того как самолично убедилась в наличии неопровержимого опознавательного знака. – Мы никому не расскажем. Но за это вы поможете нам убраться во всем доме! И тоже никому об этом не расскажете!

За наше молчание с венгров можно было требовать много

больше, но мы девчонки не вредные.

– Ну и сколопендра же ты, Находка! – не стерпел всё-таки Витька. – Вот потому-то ты до сих пор и не замужем, что такая вредная! Никто тебя не берёт!

По глазам брата было видно, что он целиком с этим утверждением согласен.

– Меня никто не берёт? – взвилась над диваном Алиска. – Да я... Да мне только свиснуть... Да тут толпа набежит!

Витька сморщил нос и весьма ядовито кивнул на телефонный аппарат:

– Это ты в трубку свистеть будешь? Тому, кто там три раза в день молчит?

После чего я вспомнила о тех, кто предположительно играл с близнецами в молчанку, и решила, что они едва ли позовут подругу замуж. Кажется, то же самое подумала и Лиса.

– Да нет! – словно оправдываясь, немного смущенно отмахнулась она. – Я не про тех... Но вот, например, через дом живет один богатый бизнесмен...

«Ещё один бизнесмен!» – ахнула я.

– Алик его зовут... Так вот он... – далее последовало небольшое романтическое эссе на тему: «Как ползал в ночи под моими окнами бизнесмен Алик, умоляя выглянуть на мгновение и озарить светлым ликом беспросветную мглу». Хотя что-то я об этом около года назад слышала. – А у него, между прочим, в Ялте свой бизнес! То ли гостиница, то ли пансионат! Я ему целую серию портретов писала, у него род-

ственников, как у кошки блох... Кстати! – Это уже относилось ко мне. – Самарину именно он меня рекомендовал...

– Чего же твой Алик тут свой зад морозит, а не в Ялте на пляже лежит? – не унимался Витька, похоже от огорчения даже забывший с чего всё началось. – Вот выходи за него, и валите оба в теплые края!

– Он с тобой забыл посоветоваться! – огрызнулась Находка и я поняла, что начавшаяся с пустячной фразы перебранка вполне способна перерасти в большую ссору.

– Хватит! – грозно рывкнула я на всех троих разом. – Не то сейчас по совку раздам и в разные углы поставлю! Ну ладно, – они! – Я осуждающе посмотрела на подругу. – Но ты-то можешь быть умней?

– Она – не может! – словно горное эхо отозвался Митя и с излишним усердием принялся рассматривать бюстик Баха.

– А вы вроде как обещали помочь с уборкой? – сурово обернулась я.

Подавленные близнецы дернулись было к перевернутым стульям, как Митька вдруг опомнился:

– Погоди! Какая уборка? Вы тут не виляйте и зубы нам не заговаривайте! Какого лешего здесь происходит? Откуда вы того капитана знаете? Чего он вообще тут нёс? Что за новые обстоятельства? И что за старые?

Брат его активно поддержал и даже погрозил нам волосатым кулаком. Я хмыкнула и устранилась. Находка повздыхала-повздыхала и принялась рассказывать.

Подруга приятно удивила тем, что не особенно перевертывала моменты, при которых я лично присутствовала. Впрочем, этому, скорее всего, способствовала несвойственная Находке краткость.

– Обычные обстоятельства... – она пожала плечами. – Убили одного бизнесмена, что тут недалеко жил... Я ему тоже портрет написала... Почти написала. Он с женой сильно поссорился и попросил меня съездить с ним на вечеринку... – Братья демонстративно фыркнули. – Потом меня в машину посадили, и я домой вернулась. А утром выяснилось, что его в своём доме застрелили... Вот следовательно ко мне и притащился... Кто-то наплел ему, что у нас роман был. Я хотела объясниться с его женой, в смысле, вдовой, но та и слушать не хочет! Наорала на нас с Анькой и выгнала.

Она выразительно посмотрела на братьев и развела руками.

Какое-то время они молчали, вероятно, прикидывая, не морочит ли им Алиска головы.

– И какого хрена вы это скрывали? – проронил Витька, глядя на нас с явным недоверием. – И кто тогда сюда звонит? Покойный?

После его слов Алиска аж подпрыгнула и физиономия у неё побледнела.

– Нет, – встряла я, сообразив, что творческое воображение нарисовало её взору соответствующее видение. – Скорее всего, это друзья покойного. Они тоже считают, что она была

последней, кто видел бизнесмена живым.

Витька почесал в затылке:

– Ну-у... И чего ж теперь делать?

– Чего делать? – передразнила Лиса, вставая. – Заголять и бегать! Что тут сделаешь? Сижу и жду, чего там накопает Мельников со своей сворой.

– Мельников – это следователь?

– Ну да! И помощники – Блинов да Каравайкин!

– Блинов, Каравайкин... Мельников! – хмыкнул близнец и покачал головой. – Кондитерские какие-то фамилии!

– Ага, – согласилась Лиса, морща нос. – Вот и Бубликов... тоже!

– Что – тоже?

– Тоже сволочь! – отрезала подруга и потопала в свою спальню.

Уборку по взаимному согласию отложили до утра. Кое-как раскопав места для сна, мы дружно рухнули и заснули как убитые.

Утро как по заказу выдалось гадостным, подстать нашему настроению. В небе бестолково толклись грязные рваные облачка, ветер трепал поникшие кусты, наскакивая на них, словно собака из-за угла.

– Давайте убираться, – хмурясь, вздохнула Алиска. –

Мальчики занимаются тяжелыми вещами...

Близнецы проявили подозрительную понятливость, и ушли расставлять мебель. Я взялась раскладывать и развешивать одежду, а Алиска занялась пострадавшим имуществом.

Вопреки ожиданиям, уборка дома не заняла много времени. Алиска выбросила пару поломанных стульев и разбитых вазочек, смела рассыпанную крупу. Братья развесили шторы. В какой-то степени в доме стало чище, чем было.

Совсем по иному обстояли дела с уборкой мастерской. Холсты и кисти мирно вернулись на свои места, а вот разноцветная лужа посередине комнаты исчезать не собиралась, приобретая после очередной попытки лишь новые цвета и формы.

– А так очень даже ничего, – наконец сказала я, отирая со лба праведный пот. Встав с колен, отбросила в сторону тряпку и, оглядывая причудливые очертания, заметила: – Вполне можно выдать за детское творчество Манэ!

Лиса сердито сверкнула на меня глазами, но потом махнула рукой:

– Ладно, бес с ним!

Едва мы успели спуститься вниз, как возле дверей забрынькал видеофон. Алиска вздрогнула всем телом.

– Кого ещё принесло? – встревожено зашептала она и взглянула на экранчик. Голос её моментально изменился: – Ну конечно! Кто ещё способен припереться именно в тот мо-

мент, когда уборку уже закончили?

И я сразу догадалась, что появился Бублик.

– Привет, девчонки! – чёрный «Патриот» вкатился во двор и его владелец, как ни в чём не бывало, растянул в улыбке губы. – Как дела?

– Где тебя носило? – сердито гавкнули мы с подружкой в один голос. Досадливо переглянулись и Алиска продолжила: – Чем ты занимался и почему к телефону не подходил? Нас близнецы ни на шаг не опускают!

– А что такого? – вполне натурально удивился Бубликов. – Чего вам надо-то? У тебя отгулы, а ты вообще безработная... Сидели бы себе! Вот понесло вас в город, и обнесли хату!

– А ты откуда знаешь? – сурово прищурилась я, наблюдая, как он вылезает из машины.

Бублик захлопнул дверцу и повернулся. Я открыла рот, собираясь продолжить дознание, но тут он совершенно сбил меня с мысли, начав вдруг идиотски приплясывать на каменной дорожке, ведущей от крыльца к дому.

– Витька сообщение прислал! – бесхитростно улыбаясь, поведал друг детства как о чём-то само собой разумеющемся и совершил ещё пару замысловатых па.

С трудом оторвавшись от этого зрелища, мы с Лисой оглянулись. Выглядывающие с крыльца венгры вид имели кроткий, прямо-таки ангельский, если только можно применить такое выражение к их бандитским физиономиям.

– Вы могли с ним связаться и помалкивали? – с придыха-

нием начала Находка, но близнец торопливо её перебил:

– Бублик сказал: «Только в крайнем случае!» Мы решили, что он настал как раз вчера вечером...

Едва ли он сумел бы оправдаться, но тут, на его счастье, вмешался сам Антон:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.